Кристен Тайч

Она загадала последнее желание, а он объявил войну всему миру.

Моё желание — его война

Изгнанники Олимпа

Кристен Тайч

Моё желание — его война

«Автор»

2026

Тайч К.

Моё желание — его война / К. Тайч — «Автор», 2026 — (Изгнанники Олимпа)

Она нашла лампу с джинном, а тот поклялся её убить. Но судьба распорядилась иначе.Дана получила три желания, которые могут спасти её брата, но ей предстоит пройти через пустыню, кишащую врагами. На пути — Жрецы, предрешившие её судьбу, и бог войны, чья ярость не знает границ.Арес, тысячелетний воин, не привыкший к поражениям. Жажда мести и стремление избавиться от Даны толкают его на крайние меры. Но что-то изменилось, когда он встретил её.Между ними не только три дня пути, но ещё и одна горькая правда: бог войны, оказывается, способен лгать. Особенно той, ради которой он готов сжечь весь мир дотла, не раздумывая.

© Тайч К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1. Дана 10
Глава 2. Арес 14
Глава 3. Дана 25
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Моё желание — его война

Пролог

Гром расколол небеса, а вечный свет, что горел в окнах Олимпа с начала времён, померк, будто кто-то выкрутил фитиль из лампы вселенной. Тронный зал погрузился в тьму, которая была вызвана не просто отсутствием света, а присутствием чего-то древнего и нетерпеливого.

Олимп дрожал от ярости того, кто его построил.

Мраморные колонны, что выстроили из костей поверженных титанов, скрипели. На их поверхности, покрытой резьбой битв древности, проступили трещины. Золотые плитки пола, отполированные шагами тысяч богов, ходили ходуном, и между ними вспыхивали искры. Сама земля Олимпа хотела загореться от гнева своего хозяина. Воздух стал плотным, и каждый вдох давался бессмертным с таким трудом, словно лёгкие наполнялись не эфиром, а расплавленным свинцом. Острый запах озона пропитал всё: от мрамора до облаков, что плыли за распахнутыми окнами.

Бессмертные — те, кто всё-таки осмелился остаться в зале — прижимались к стенам. Их сердца, которые не бились от скуки тысячелетиями, теперь сжимались, и каждый из них думал: «Вдруг в этот раз бессмертия окажется недостаточно?»

Но не все жались к стенам.

Трое братьев стояли перед троном отца. Их тёмные силуэты вырисовывались на фоне угасающего света. Они не склонили колен, хотя воздух давил на плечи с такой силой, что хрупкие боги уже упали бы вниз лицом, слёзно умоляя прощения. Их спины были прямыми, кулаки сжатыми, а челюсти стиснутыми так, что зубы скрипели, перетирая друг друга в пыль.

В центре стоял он.

Арес. Бог войны.

И это был не просто титул, даже не должность, а сама суть существования. Его доспехи из звёздной стали, что выковали из обломков упавшей звезды, когда он впервые вышел на поле битвы, сверкали ярче молний, которые кружили над головой его отца. Словно металл в его броне помнил, что был рождён в огне, и отказывался тускнеть перед чужой яростью. На наплечниках темнели вытравленные руны войны, и сейчас они слабо пульсировали, точно сталь сама хотела битвы, жадно рвалась в бой и не понимала, почему её хозяин просто замер, а не атакует.

Арес стоял так, как стоял на каждом поле битвы, на котором когда-либо появлялся: ноги на ширине плеч, подбородок поднят, взгляд прямой. Он ничего не боялся, ведь просто не умел этого. Страх был чувством, которое в нём не заложили. Или заложили, но сожгли в первой же битве, когда ему было столько лет, сколько звёздам, и он впервые убил и посмотрел на свои руки. Тогда в глазах был не восторг, а ужас. Но ужас длился лишь мгновение, а потом его сожгла ярость, и с тех пор Арес не боялся ничего.

Ничего, кроме этого.

Потому что сейчас перед ним стоял не враг, а собственный отец. И от этого ярость внутри была лишь грязнее и тяжелее. Потому что ярость на отца — это яд, который пьёшь сам, надеясь, что отравится кто-то другой.

Зевс же восседал на троне, вырезанном из единого куска небесного камня, найденного на дне мира, когда хаос ещё не стал порядком. Трон был не просто удобным сиденьем, а продолжением воли своего хозяина. По его подлокотникам бежали живые молнии, готовые сорваться в любой момент. На спинке отражались образы поверженных врагов, титанов, чудовищ, целых цивилизаций, которые осмелились противиться его воле. Их лица, застывшие в камне, были

искажены агонией, и каждый из них напоминал: так бывает с теми, кто стоит напротив Небесного Владыки, а не рядом с ним.

Зевс поднял руку, и мир за окнами Олимпа вздрогнул. Облака расступились, будто отодвинулись шторы, и внизу, далеко-далеко, под бесконечными слоями неба, виднелась земля. Такая маленькая, грязная и суетливая, полная неблагодарных людей, которые не знали, что их судьба решается прямо здесь и сейчас.

— Вы украли ключ от Небесной Кары, — голос Зевса раскатился по залу. Слова проникали в души сыновей, как раскалённые молнии, и каждая несла один вопрос: «Как вы вообще посмели?» — Вы поставили смертных выше богов. Предали кровь, что течёт в ваших же жилах!

После этих слов наступила полная тишина.

Арес сделал один тихий шаг вперёд. Однако шаг этот прозвучал гораздо громче, чем все молнии отца, потому что это был шаг того, кто знал, что назад дороги уже нет.

— Мы спасли их, — первым бросил ответ он, решив принять дальнейший удар на себя. — Ты хотел сжечь мир дотла. Вылизать поверхность земли и поставить на то место новый мир, послушный и тихий. Мы лишь забрали молнию, чтобы ты не совершил этой ошибки.

— Ошибки?! — Зевс нарочито медленно поднялся с трона, и в его глазах вспыхнули молнии. Зал тут же озарился ослепительно белым светом, от которого смертный тут же превратился бы в пыль. — Ты назвал мой суд ошибкой или я ослышался?

— Я назвал его тем, чем он является, — Арес чуть наклонил голову с холодным ехидством, что даже его братья за спиной невольно напряглись, готовясь к худшему. — Справедливость — это когда судят за вину, а не за то, что мир стал непокорным. Вот и решил уничтожить его не потому, что он прогнил, а потому, что устал им управлять. Потому что люди перестали тебе поклоняться, когда ты смотрел вниз. Ты видел там не детей, которых нужно учить, а муравейник, который проще раздавить, чем ремонтировать.

Молния мгновенно ударила в пол между ними, и мрамор раскололся, обнажив чёрную, дымящуюся рану в самом основании Олимпа. Зевс шагнул с трона. С каждым его шагом был удар, от которого колонны скрипели, а остальные боги отшатывались.

— Ты забываешься, мальчик, — Зевс произнёс это так тихо, что в ушах зазвенело напряжение. — Не смей сравнивать меня с Кроносом. Он пожирал своих детей, а я дал вам жизнь. Дал Олимп и саму вечность! А ты что дал? Войну да смерть? Поля, залитые кровью, и города, превращённые в пепел? Ты — мой сын, но ты никогда не был моим наследием. Ты был лишь моим оружием, Арес, инструментом. А инструменты не решают, когда война окончена.

Арес стоял неподвижно, и молнии, которые бушевали вокруг, отражались в его алых глазах, как в зеркале. Кулаки бога были сжаты так, что из ладоней капала золотая кровь, и та падала на идеальный мрамор, шипя и оставляя выжженные следы.

— Инструмент, — повторил он с такой горечью, что даже воздух стал прогорклым. — Значит, ты сам согласен с этим. Что ж, по крайней мере, честно. Впервые за тысячу-то лет.

На мгновение повисла пауза.

— Знаешь, что именно смешно? — Арес чуть прищурился. В этом действии было столько яда, что даже Гермес за его спиной невольно отступил на полшага. — Кронос тоже считал тебя инструментом. Просто средством для удержания власти. И когда ты поднялся против него, он, наверное, сказал то же самое: «Инструменты не решают, когда война окончена». Забавно, что история повторяется, верно? Только сейчас ты не на той стороне, отец.

— Арес… — Аполлон предупреждающе положил руку ему на плечо. — Достаточно.

— Ну уж нет, — Арес не повернулся, но его голос смягчился на долю секунды, только для брата, — недостаточно. Он должен знать. Все должны знать!

Гермес, обычно ловкий и неуловимый, как ветер, теперь стоял бледнее облаков. Однако в его взгляде всё равно не было покорности. Только упрямая искра того, кто привык даже

в безвыходных ситуациях ускользать от судьбы. Его крылатые сандалии лежали у подножия трона, отложенные, как оружие, которое сейчас было просто бесполезно.

— Мы действовали ради спасения, — произнёс он. В голосе слышалась знакомая всем богам нотка: лёгкая насмешка, смешанная с вызовом. — Разве не в этом наша сила? Не в том, чтобы карать, а в том, чтобы защищать? Даже если защищать приходится от тебя.

— Ваша сила принадлежит мне, — жёстко отрезал Зевс.

— Технически — нет, — Гермес по привычке поднял лицо, полное невозмутимой дерзости, что даже Арес на секунду усмехнулся. А делал он это крайне редко. — Сила, как и послание, принадлежит тому, кто её использует. А мы использовали её не против тебя, а за тех, кто не может защитить себя сам. Поэтому тут смотря с какой стороны смотреть…

Зевс повернулся к Гермесу, и от одного лишь его взгляда младший из братьев побледнел ещё сильнее, но не отступил. Стоявший справа Аполлон сжал кулаки так, что костяшки побелели, а золотая лира на его плече тихо звякнула.

— Ты не видишь правды, отец, — его голос дрожал, но в нём звучала та же твёрдость. — Кто-то открыл тебе ложь. Показал видение, которого не было.

Зевс застыл, но лишь на долю секунды. Так коротко, что, если бы кто-то из братьев моргнул, он бы этого не заметил. Но бог войны заметил. Он всегда замечал слабости врагов, а теперь замечал и слабости отца. В глазах Зевса мелькнула тень сомнения, и Арес увидел в ней то, что искал: трещину. Небольшую, но достаточную, чтобы понять: отец не уверен. И эту неуверенность пытались подавить откуда-то из-за его спины.

Арес перевёл взгляд за трон, туда, где в полумраке, скрытом за колоннами, стояла Гера. Взгляд был устремлён не на мужа, а на эту троицу. Её губы едва тронула улыбка, когда она встретилась взглядом с ним. Смотря на неё, он чувствовал, как внутри поднимается что-то, чему он не мог дать имени. Понимание? Предчувствие? Скорее ощущение того, что эта женщина уже давно играет в игру, правила которой не знает, а ставки — он и его братья.

— Правду вижу я, — прогремел Зевс, и небеса над Олимпом содрогнулись с новой силой. Тень сомнения исчезла, задавленная злостью. Тогда Арес понял: отец выбрал не истину, а гнев. Потому что в гневе решать проще. — Приговор мой суров, но справедлив.

Арес не отступил, стоял и смотрел на отца со сталью в глазах, которая и делала его тем, кто он был. Богом войны. Но не потому, что любил убивать — он ненавидел это, и в этом была его великая, никому не ведомая трагедия. А потому, что он понимал войну лучше, чем кто-либо на Олимпе. Ведь война — это не просто чья-то смерть, война — это выбор. Выбор между тем, чтобы сражаться, и тем, чтобы сдаться. И Арес никогда не сдавался.

— Давай, отец, — низко процедил он, — наказывай, но только помни: каждый раз, когда ты карал того, кто был прав, ты создавал врага, который не забывал ничего.

Зевс не стал метать молнии, ведь это было бы слишком просто и милосердно для тех, кто осмелился бросить вызов отцу богов. Вместо этого он щёлкнул пальцами, воздух наполнился звуком, похожим на треск разрываемой ткани мироздания. Золотые цепи, невидимые до этого момента, вспыхнули в воздухе, сотканные из самой воли Зевса.

Цепи впились в запястья и шею Ареса, и руны вспыхнули на них, оставляя на теле узоры, которые жгли, как раскалённое железо, выжигая саму суть его силы. И вот тогда он закричал от ярости, потому что впервые в жизни его собственное тело не подчинялось ему. Мускулы вздулись, вены на шее пульсировали, потому что кто-то решил, что пора посидеть ему на магической диете. Он рванул цепи с такой силой, что мрамор под ногами треснул, но они сжимались всё сильнее, впиваясь в кожу и питаясь его яростью.

— Ты не можешь заточить войну в жалкую клетку! — прорычал он с рёвом, от которого колонны осыпались. — Война — это не оружие, которое можно просто положить в ножны! Это моя сущность, и ты её не запрёшь, какие игрушки ни придумывай!

— Ты больше не будешь повелевать армиями, сын мой, — произнёс Зевс голосом, что был холоднее самой северной метели. — Станешь слугой, чьё предназначение — подчиняться, и твоя гордость станет твоей же тюрьмой. Ты будешь сидеть в темноте и ждать, пока смертный не сочтёт тебя достойным своего внимания. Ты, некогда великий бог войны, будешь зависеть от человека, которого так жаждал спасти. И вот это будет твоим наказанием.

Из всех наказаний, которые он мог себе представить, этого не предвидел. Не боль, не темнота, не просто отсутствие силы, а… зависимость. Да ещё и от смертного. От того самого существа, которое он привык считать хрупким, недолговечным и незначительным. Жуком… Зевс не просто наказывал — он филигранно унижал каждого из провинившихся перед ним. И в этом унижении было больше жестокости, чем в любой самой отчаянной молнии.

Дым начал клубиться вокруг Ареса, его могучее тело начало растворяться в воздухе, превращаясь в туман, который обвил ноги Зевса, будто пытаясь поглотить его. Арес боролся до последнего, цеплялся за воздух, за саму реальность, которая утекала сквозь пальцы. Но цепи держали, а руны горели. И сила, которая была его сутью, уходила, вытягиваемая золотыми узорами, что даже он не мог их разорвать.

— Я вернусь, Зевс, — прошептал он, будучи полностью чёрным дымом. В нём звучали ненависть и отчаяние, а под ними — обещание, которое было страшнее всего. — Я вернусь, и когда это произойдёт, ты вспомнишь, зачем создал меня. Вспомнишь, зачем существует война, и ты пожалеешь, что не убил меня сразу.

Его взгляд метнулся к Гере. Одно мгновение, короткое, как вспышка молнии, но достаточно долгое, чтобы она увидела в его глазах: он всё знает. Арес понял почти сразу, кто неправильно перетасовал карты и раздал всех козырей лишь одному любимчику. Гера же не шевельнулась. Только улыбка её стала чуть шире, а в глазах азартно горело: «Докажи».

Арес растворился. Аполлон и Гермес пали после.

Зевс поднял руку, и земля под ногами братьев исчезла, оставив их висеть в бездонной пустоте.

— Ступайте на землю, — произнёс сухо он, — покайтесь в пыли. И если вы действительно любите смертных, то защищайте их, если выберетесь. Но никогда, никогда больше не поднимайтесь на Олимп. Вам больше здесь не рады.

Братья падали, как листья, сорванные бурей. Крик Ареса утонул в пронзительном свисте ветра. В голосе была только ярость, которая не угасала, а разгоралась, как пожар, который кто-то пытался тушить бензином. Холод пронзил сердце Аполлона, а тьма поглощала сознание Гермеса. Их взгляды встретились в последний раз, наполненные безмолвной клятвой.

— Мы обязательно вернёмся, — прошептал Гермес, но голос уже растворился в гуле пустоты. — Найдём друг друга… И Олимп заплатит за это.

Арес не ответил, потому что уже не слышал братьев. Он рухнул в песок первым. Удар был таким, что в месте падения образовалась воронка, и песок вокруг превратился в пепел, как от удара метеорита. Его сознание угасало, погружаясь в бронзовую тьму, которая обнимала его, как старый враг, который наконец-то получил возможность держать его в своих объятиях. Сила уходила, а доспехи из звёздной стали растаяли, превратившись в пыль, которая тут же впиталась в бронзу. Бог чувствовал, как его тело сжимается, уменьшается и втягивается в металл, который формируется из воздуха. Бронзовая могила для того, кто ещё жив...

В этот момент ненависть поглотила его, как огонь сухую ветку. Чистая, концентрированная, обжигающая ненависть, которая горела ярче солнца, затмевая всё вокруг. Но под ненавистью, глубже, там, куда не мог заглянуть ни один бог, тлело что-то другое.

Ярость?

Да, но не та, которая хочет разрушить, а та, которая хочет вернуться. Вернуться и доказать, но не отцу, а себе, что он не просто инструмент того, кто его создал.

В ночи, когда звёзды меркли, а луна пряталась за завесой облаков, он прошептал в темноту, что поглотила его, став новым домом:

— Я буду ждать… Триста лет. Тысячу. Вечность. Неважно. Пока смертный не коснётся этой проклятой бронзы.

Пауза, такая длинная, словно столетие пролетело.

— И тогда огонь войны вновь разожжётся и затмит весь Олимп дымом.

В то же время на Олимпе раздался оглушительный раскат грома, сотрясший сами небеса. Зевс рухнул на свой золотой трон, руки дрожали, а глаза всё метали молнии.

— Это было необходимо, — произнёс он, но голос выдавал страх.

— Конечно, повелитель, — раздался вкрадчивый голос. Гера вышла из мрака позади трона. — Они были угрозой для тебя. Но теперь стали лишь униженными изгнанниками.

— Они мои сыновья… — тихо сказал Зевс, а в глазах мелькнуло сомнение, которое он тут же скрыл за маской безразличия.

— Эти трое стали опасны, — холодно поправила она. — А теперь они — лишь эхо былого величия. Забудь о них, мой повелитель, время лечит даже богов…

Зевс промолчал, но его руки, сжимавшие подлокотники трона, дрожали, а молнии в его ладонях тихо трещали, точно сами не знали, кому они принадлежат: отцу, который наказал сыновей, или богу, который только что совершил ошибку, просто ещё не осознал её в полной мере.

Гера тонко улыбнулась и довольная исчезла в полумраке, оставив Зевса одного. Зал, некогда полный могущества и величия, теперь казался пустой оболочкой. Три отпечатка на мраморном полу — там, где стояли братья — ещё дымились, точно камень помнил их присутствие и не хотел стирать их из памяти отца.

А где-то в бескрайней пустыне, среди дюн, покрытых песком, лежала бронзовая лампа. Маленькая, тусклая, ничем не примечательная. Один из тысяч предметов, которые пустыня поглощает и забывает. Время текло, империи поднимались и рушились. Города строились и горели. Люди рождались, жили и умирали, не зная, что где-то под их ногами, в небольшом сосуде, бог войны ждёт своего часа.

Ветер шептал о грядущем. Песок засыпал лампу, откапывал её и засыпал снова. Солнце пекло бронзу, пока она не становилась такой горячей, что к ней нельзя было прикоснуться. Потом дождь омывал её, и она снова тускнела.

И вопрос оставался лишь в одном: когда?

Когда смертная рука коснётся этой проклятой бронзы, и огонь войны вновь разожжётся, погружая мир в хаос и разрушение

Глава 1. Дана

Грузовик не сбавлял скорости. Он летел по какому-то бездорожью, усыпанному ухабами, ямами да крутыми поворотами. Тем, кто был за рулём, плевать, что внутри были не бочки с отходами, а живые люди. Хотя для них это одно и то же.

Куда именно нас всех везут в этом мерзко пахнущем грузовике — неизвестно, но зачем — предельно понятно. Как и ясно другое: если не сбежать сейчас, потом будет поздно об этом думать. Ведь без головы люди весьма ограничены в своих возможностях.

Вместе со мной везут ещё шесть человек — и все они преступники. Кто-то здесь за воровство, кто-то за мятеж и разбой, а кто-то я. И я переплюнула их всех разом.

Новый подскок грузовика на яме вызвал повторную волну негодующего шёпота. Люди страшились выдать себя хоть каким-то звуком, чтобы не усугубить вердикт главнокомандующего. Они боялись, что их не довезут до пункта назначения, в то время как я мечтала, что грузовик занесёт и он перевернётся вместе с содержимым. Дверь поддалась бы на второй удар ноги, и вот она — свобода!

Но реальность была суровее. За рулём — опытные вооружённые солдаты, а позади нас ещё несколько машин, судя по завывающим сиренам. Шансов на побег, как честных торговцев в Зургане. То есть ноль.

В который раз я ловлю на себе осуждающие взгляды толстолобов напротив. Конечно, не каждый же день видишь убийцу самого Жреца.

— Молись, чтобы демоны пустыни забрали тебя быстро, — хрипит здоровый мужик в углу. У него лишь половина языка, обрубок, но плеваться ядом он всё равно умудряется. — Иначе мы сами поможем им.

— Заткнись, Камал, — огрызаюсь скрипучим от пыли и жажды голосом. — Если начнёшь драку, нас всех прирежут раньше времени.

Внезапно свет фар машин, едущих позади нас, гаснет. Не просто выключается, а его будто кто-то высасывает из воздуха. Это был единственный источник хоть какого-то освещения в нашем грузовике, проступавший через прутья задней двери. Из-за этого темнота наступает мгновенно.

— Что за... — начинает водитель, но его голос обрывает вой.

Только это не похоже на просто ветер. Больше напоминает… стену?

Песок ударяет в борт кузова так, словно по металлу бьют кувалдами. Грузовик кренится, а меня швыряет на соседа, дурно пахнущего потом и грязью.

— Держитесь! — кричит кто-то, но это бесполезно.

Мир переворачивается.

Буквально.

Я чувствую, как гравитация меняет направление. Желудок подкатывает к горлу, металл визжит, стекло лопается, и мы летим вниз, видимо, в чёрную пасть огромной дюны.

Удар.

Темнота.

Вкус крови во рту.

Очнулась я от звенящей тишины в ушах. И это было хуже, чем шум. Любой звук означает жизнь. Тишина же означает, что кто-то уже умер.

Я лежу на чём-то твёрдом, но под сильным наклоном. Спина мокрая от адреналина и нескончаемой жары пустыни. Открываю глаза, над головой мелькают клочья брезента, похожие на обрывки облака. Пытаюсь пошевелиться, но рёбра протестуют острой болью, а левая нога онемела от удара.

— Есть кто живой?.. — шепчу осторожно я.

Ответом мне служит лишь завывание ветра где-то наверху, на гребне дюны.

Песок именно здесь горячий даже ночью, самум не отпускает жар даже после заката. Я выползаю из искорёженного кузова и осматриваю себя: кровь течёт, видимо, из рассечённой брови, заливая глаз. Рукава чёрной рубахи, что выдали специально для моих будущих похорон, превратились в лохмотья, но кости вроде целы, несмотря на сильную боль в груди.

Мне повезло. Слишком сильно повезло для того, кто должен был умереть сегодня от рук бездушного палача.

Оглядываюсь и понимаю, что остальные не такие везучие. Кто-то лежит под перевёрнутым сиденьем, шея вывернута под неестественным углом. Водителя выбросило через лобовое стекло, его тело лежит в пяти метрах, уже частично засыпанное песком.

Конвой. Я прислушиваюсь, но сирены молчат. Либо они тоже разбились, либо решили не спускаться за нами в эту мясорубку ночью.

— Прости, — шепчу я Камалу, похороненному под песком чуть выше машины, хотя не чувствую вины, — но сегодня выживу я. Это закон пустыни.

Нужно уходить. Если кто-то заметит меня живой, то придут сюда с подкреплением. Сомневаюсь, что мне ещё хоть раз подвернётся такая удача.

Я начинаю спуск с дюны. Идти невозможно, песок осыпается от любого дуновения ветра. Приходится скользить, цепляясь пальцами за редкие пучки колючек. Они режут ладони, но эта боль знакомая и уже привычная. Такая же была, когда мне было десять, и я впервые полезла в карман к торговцу за кошельком. Он поймал меня, сломал два пальца и сказал: *«В следующий раз будет хуже»*. В следующий раз я вернулась с ножом и забрала не только кошель, но и его напыщенную гордость. С тех пор знаю, что боль — это просто сигнал. Она не останавливает, а учит быть сильнее и выносливее.

Скатываюсь вниз, кувыркаясь через собственную агонию, и каждый поворот отдаётся в рёбрах новым прострелом.

Внизу темнеет пятно. Вода?..

Да, оазис. Маленькое, грязное чудо.

Вода мутная, слабо отдаёт болотом, но я жадно полощу ею рот, как человек, который несколько дней не видел ни капли. Пить всё же не решилась. Плещу ею в лицо, смывая кровь и пот. Холод остужает кожу, возвращая сознание в реальность. И тут мои пальцы натыкаются на мелкое дно.

Что-то гладкое, но не камень.

Я шарю глубже, пока рука не обхватывает металл.

Кувшин?

Нет, вроде лампа. Весьма тяжёлая, бронзовая, покрытая толстым слоем ила и грязи. На боку отсвечивают в свете луны какие-то знаки... Те будто светятся, если смотреть боковым зрением.

— Что за чёрт... — бормочу я. Интуиция, что ни разу не подводила меня, кричит: *«Брось! Уходи!»*. Только руки уже действуют сами.

Любопытно, сколько она может стоить? А если она из дворца, то за её находку вообще золотом усыпят.

Я усмехаюсь сама себе. Даже перед лицом неизвестности мой мозг работает как у вора: что можно украсть, что продать, а что использовать. Отец однажды сказал: *«Дана, только ты видишь мир таким, каким он может быть полезен только тебе»*.

Он был прав. И именно это спасло мне жизнь кучу раз.

Я тру пальцами, пытаясь отмыть налёт и разобрать, что же там написано.

Раз. Два…

Металл под пальцами вдруг начинает нагреваться. И если сначала это терпимо, то через секунду я понимаю, почему в пустыне не рекомендуют трогать бронзу днём. Но сейчас-то уже ночь!

— Эй! — Я хочу бросить её, но пальцы точно прилипли.

Вода в небольшом оазисе закипает. Пар бьёт в лицо, воздух сгущается, становится тяжёлым, давит на уши. Пахнет озоном, как перед сильной грозой. И еще... железом? Да, старым таким, сухим, раскалённым железом.

— Ты слишком небрежно это делаешь, смертная.

Голос... Не где-то снаружи, а внутри моего черепа. Низкий, скрежещущий, от которого у меня аж зубы свело, словно я металл кусаю.

Пар взрывается чёрным дымом из лампы. Он не рассеивается, а сворачивается в жгуты и уплотняется. Сначала проступают огромные руки в шрамах, с золотыми витиеватыми узорами на запястьях. Потом оголённый крепкий торс. Широченные плечи. Голова...

Передо мной стоит парень в одной лишь тёмно-красной набедренной повязке. Нет, не парень... *Существо.*

Он выше любого солдата, что я видела. Метра два в высоту, а может и больше. Кожа смуглая, точно загорелая на солнце всех пустынь мира. Волосы чёрные и такие густые, что кажется, они поглощают остатки света вокруг. Но главное — это глаза. Они алые, и в них нет зрачков. Только свет и жар, что бывает перед тем, как что-то взорвётся. На шее и запястьях пульсируют золотые молнии. Они светятся таким болезненным светом, будто вплавлены в саму кожу, и от них исходит жар, как от разросшегося костра.

Он смотрит на меня сверху вниз. Во взгляде только древняя, необъятная ярость и замешательство.

— Где я? — гремит существо.

Голос теперь звучит вслух, заставляя вибрировать поутихшую воду в оазисе. Птицы замолкли в округе. Сдаётся, что даже самум, который погубил несколько душ совсем недавно, затаился.

Пытаюсь отползти назад, но спиной упираюсь в высоченную гору песка. Я безоружна, ранена, а передо мной что-то, от чего веет огромной силой.

Что же ты такое?..

Голос предательски дрожит, но я стараюсь взять себя в руки.

— В пустыне, — выдавливаю я. — В Ашаре.

Морщится так, словно я сказала что-то неприятное.

— Ашар... Это название изменилось. Где Олимп?

— Не знаю, о чём ты. — Я нащупываю камень рядом с собой в песке. Бесполезно, но хоть что-то, верно? — Кто ты?

Он делает шаг вперёд. Песок под его босыми ногами чернеет, обугливается, но тот даже не замечает этого. Улыбка у него настолько хищная, без радости, что живот сводит.

— Кто я? — усмехается он. — Я тот, кто должен был сжечь твой город тысячу лет назад.

Наклоняется ко мне, и я чувствую невероятно сильный жар, исходящий от его тела. Мои волосы начинают виться от статики, а пот буквально выступает под одеждой.

— Ты меня призвала. Пока эти печати держат меня, у тебя есть вес передо мной.

И небрежно кивает на лампу, которая всё ещё дымится у моих ног.

— Я не собиралась... — начинаю я.

— Хотела или нет, не имеет значения, — перебивает существо. Его глаза вспыхивают ярко-красным. — Сделка заключена. Теперь говори, смертная, почему твои руки пахнут кровью высшего Жреца? И почему ты пахнешь первобытным страхом, но не бежишь?

Я замираю, даже не дышу.

Откуда он знает про Жреца? Я же не проронила ещё ни слова.

— Я не убивала его, — шепчу, словно опять оправдываюсь. В этом шёпоте вся моя жизнь последних дней. Если это время можно назвать жизнью…

Незнакомец прищуривается. Золотые молнии на его теле вспыхивают ярче, точно реагируют на что-то.

— Все так говорят, прежде чем начинают молить о пощаде. — Он выпрямляется и оглядывается вокруг, на пустыню, на небо. — Земля... Значит, он всё-таки сделал это. Изгнал…

Он снова смотрит на меня. В его взгляде появляется что-то новое. Оценка. Как у торговца, который решает, стоит ли товар своих денег.

— Как тебя зовут, смертная?

— Д-дана…

— Дана, — повторяет так, будто знает меня лишь по этим четырём буквам и ему уже не нравится это. — Моё имя Арес, запомни его. Потому что теперь твоя жизнь принадлежит мне. По крайней мере, пока эта проклятая лампа не исчезнет из твоих владений.

Он протягивает руку ко мне, и я инстинктивно жмурюсь, ожидая удара. Но Арес лишь касается пальцем моего подбородка, заставляя поднять голову. Его кожа чересчур горячая, и когда он касается меня, я чувствую, как этот жар проникает под кожу.

— Вставай, смертная. Если ты хочешь дожить до следующего заката, тебе лучше научиться бегать быстрее, чем ты умеешь дышать.

— Куда?.. — спрашиваю, чувствуя, как дрожь в ногах сменяется странным жаром. В голове гудит, словно кто-то включил ток.

Он с презрением и яростью смотрит на горизонт. Туда, где над дворцом Зургана нависло тёмное облако из пыли, песка и электричества.

— Туда, где прячется ложь. И где мне должны ответить за мои цепи.

Существо оборачивается, и я вижу, что его спина тоже покрыта золотыми шрамами, пульсирующими в такт его сердцу.

— Идём. Или оставайся здесь и жди тех, кто в пути за тобой. Судя по звуку, у них несколько пар конечностей.

Я вскакиваю, игнорируя боль в рёбрах и голове.

У меня нет выбора. Несколько дней я была преступницей, бегущей от смерти. А теперь я спутница странного джинна, от которого разит грозой и не меньшей опасностью, чем от палача, который так и не дождался меня сегодня, но надежды не теряет до сих пор.

— Подожди! — Я хватаю лампу и перекидываю её из ладони в ладонь. Она всё ещё горячая, но уже терпимее. — Я не пойду с тобой, если не буду знать, кто ты! Не можешь же ты быть настоящим джинном? Твоё имя мне ничего не даёт!

Он останавливается, но не оборачивается.

— Я — конец твоей войны. Ну или начало. Зависит от того, насколько ты назойливая.

Сущности своей он так и не раскрыл. Но когда шагнул в тень пальм у оазиса, песок под его ногами вспыхнул синим огнём и сразу погас. Я сглотнула сухой ком в горле и пошла следом. Ничего не остаётся, как придумать, чем же подчинить эту груду полыхающих мышц себе, чтобы спасти брата.

Один вопрос — как это сделать, если я осведомлена лишь легендами о лампе и трёх желаниях, но ни песчинкой о его Олимпе?

Глава 2. Арес

Я очнулся от вкуса пыли незадолго до того, как меня вышвырнуло из сосуда. Не величественно, как подобает высшему созданию, а рывком, точно пробку из бутылки выбило. Вот только это была не та священная пыль, что оседает на алтарях в веках тишины, а обычная, мёртвая грязь. За столько лет моего заточения она забилась в горло и скрипела на зубах. Кажется, что, кроме песка и отходов человеческой жизнедеятельности, больше ничего нет в лёгких.

Неохотно разлепил веки. Надо мной не было свода неба, расшитого созвездиями, которые я знал по именам, не было золотых колонн чертогов отца, уходящих в вечность, не было мраморного пола, тёплого под босыми ногами, в котором отражались облака, как в зеркале. Воздух здесь, снаружи, был разреженным и бедным. Ни тебе густого нектара, ни тебе грозового озона, что всегда висел над Олимпом. Только сухая жара и неподдельный ужас этой… *смертной*.

Я ожидал тронный зал, ну или хотя бы поле в разгаре войны. А получил оазис, в который даже боевые кони Посейдона не сунули бы морду. Хотя они пьют из луж, полных крови, после хорошей битвы.

Клянусь этой проклятой бронзой, Зевс умеет выбирать места для ссылки.

Тонкий юмор у папочки, однако. Очень тонкий.

Хотел вдохнуть глубже, но грудь сковало болью. Попытался сжать кулак, но кости трещали от напряжения. На запястьях и шее, где кожа должна была быть гладкой, как полированная броня, пульсировали узоры. Печати Зевса вспыхнули, будто воды Стикса обожгли плоть. Золотые наручи впились так, что каждый палец двигался через боль. Едва сдержался, чтобы не зашипеть при человеке.

Я помнил огромный бронзовый пифос с ручками в виде львиных голов, будто это было совсем недавно. Алоады заперли меня там на тринадцать месяцев.

Тринадцать месяцев тьмы, когда я мог только слышать, как мир живёт без моего участия. Как воюют смертные, как умирают герои, как рождаются и гаснут империи. И это было хуже любой пытки, потому что я, бог войны, был вынужден слушать войну, не участвуя в ней.

Тогда меня спас Гермес, мой младший брат. Выкрал из пифоса, как он воровал всё в своей жизни, но Зевс не простил. Отец помнил, что я был заперт без шанса на самостоятельное спасение. Помнил, насколько был слаб, что меня можно было победить. И, видимо, когда пришло время изгнания, он решил увековечить моё гневное воспоминание о бронзе.

Запер в лампу, в которой живут джинны.

В лампу, которая исполняет желания.

В лампу, которая превращает великого бога в шута из дыма.

Это была шутка над могущественным богом войны, и я её не оценил. Поклялся, что найду способ отомстить, даже если придётся ждать сотни тысяч лет, вдыхая лёгкими лишь раскалённый песок.

В памяти вспыхнул последний образ тронного зала.

Зевс стоит надо мной, глаза сияют белыми молниями, такими яркими, что больно смотреть. Но я не отводил взгляда, потому что это значило бы признать поражение, а я не признавал поражений, даже когда проигрывал.

«Ты будешь служить».

Голос отца прогремел в моей голове, хотя здесь, на земле, было тихо настолько, что я слышал, как бьётся сердце смертной в нескольких шагах от меня. Я вспомнил тот жар цепей, как Гермес пытался податься вперёд, но исчез в тени под ним. Вспомнил крик Аполлона, когда свет внутри него начал гаснуть.

Мы были едины.

А теперь я один в пустыне, привязанный к тесному кувшину и девчонке, что пахнет дешёвой тканью и недоверием. А ещё кровью и страхом.

Она мала, слишком мала. Это первое, что я отметил. Смертные всегда кажутся меньше, когда стоишь рядом с ними, но эта совсем как статуэтка у подножия золотой колонны Олимпа. Её волосы цвета тёмной земли после дождя взлохмачены, концы спутаны колючками, и с них осыпается песок.

Я мог бы сломать её шею одним взглядом, даже не заметив сопротивления. Однако не стал, хотя, будь я честен, невероятно сильно хотелось выместить свою ярость на ней. Даже кончики пальцев покалывало от предвкушения, но нет.

И всё из-за её взгляда.

Это единственное, что выдаёт в ней не просто беглянку. Глаза тёмные, но в них горит искра. Не магия, нет, но не менее древнее… Упрямство. Я видел такой взгляд у спартанцев под Фермопилами, когда триста человек шли против персидской армии. Они знали, что умрут, но всё равно шли вперёд, потому что отступить значило бы предать всё, во что они верили.

Девчонка не доверяет мне и правильно делает.

Доверие — роскошь для тех, кто не воюет. Она смотрит на мои боевые шрамы, на золотые молнии, на глаза, что горят божественным огнём, и оценивает: помощь или угроза? Смертная ещё не решила, и это отчасти мудро. Потому что решение, принятое в спешке, обычно оказывается ошибкой, а она, я видел, не из тех, кто ошибается дважды. Это даёт шанс на то, что она может быть полезна, раз именно ей выпала честь откопать меня здесь.

Я шагал вперёд, не до конца понимая, куда и зачем. Песок под ногами шипел. Жар, исходящий от моего тела, высушивал любую влагу вокруг. Смертная что-то лепетала позади, но я не обращал внимания. Пока не почувствовал, как невидимые цепи звякнули, натянувшись и раскалившись чуть ли не в полную силу. Они обжигали запястья и шею, будто я был на коротком поводке. Как Цербер на цепи у врат Аида. Монстр, которого держат на привязи, чтобы он рычал по команде того, кто держит поводок.

Я, бог, стоявший плечом к плечу с Зевсом, теперь был вынужден терпеть эту пытку, пока какая-то воровка решала, куда мне идти. Поразительно. И до боли унизительно.

Развернувшись, посмотрел на неё сверху вниз. Она стояла в метрах десяти от меня и была ещё больше ничтожна. Лист на ветру. Один порыв — и её не станет, но именно этот лист не падал. Этот лист стоял и смотрел на меня так, будто это я был тем, кто должен бояться.

Глупая.

Не понимала, что для меня она — ничто. Как и все её родичи, населявшие землю. Но в её крохотных, дрожащих руках была власть надо мной. Я чувствовал нить, связывающую мою сущность с этим куском бронзы. Пока она владеет им, я не могу уйти далеко. Пока она не использует желания…

Желания, конечно.

Правила древние, как сам мир.

Три желания.

Потом весьма непредсказуемый исход, если знать все нюансы оригинального проклятия джиннов. Никто и никогда не успевал получить своё третье желание. Ведь это означало свободу джинна, а лампа этого не прощала. Всё остальное — это смягчённые версии для ушек людских детишек.

Однако отчего-то мне кажется, что так просто меня не отпустят, ведь это не просто лампа, да и я не джинн. Эта смертная появилась здесь неслучайно. И я узнаю, кто мечет жребий. Кто решает, кому жить, кому умереть, а кому стать рабом лампы.

Гера? Зевс? Афина?

Неважно.

Кто бы это ни был, он совершил ошибку, думая, что сломает меня и превратит в послушного пса.

Он забыл одно.

Я — Арес.

Бог войны.

А войны не выигрывают те, кто прячется. Войны выигрывают те, кто выходит на свет и сеет хаос. Кто не боится крови и не отступает перед смертью, кто готов сжечь весь мир, лишь бы получить желаемое.

Сейчас я смотрел на смертную и невольно оценивал снова. Она слаба, но выжила после падения с такой горы. В ней есть злоба, я вижу её в глазах. Только этого всё равно недостаточно, чтобы тягаться с богами Олимпа.

— Мне нужно во дворец, — выдала вдруг она. — В Зурган.

Я сделал шаг к ней, сократив почти одну треть расстояния. Девчонка не отступила, но пальцы её побелели на горле лампы от силы сжатия.

— В оплот тех, кто служит моим врагам? Не всех перебила ещё или всё-таки жаждешь смерти?

На её лице мелькнуло оскорбление.

— Я не убивала, — голос стал чуть твёрже, но договорить не успела.

— Я бог войны, — перебил девчонку. Указал на неё пальцем, и между нами проскочила искра. Она едва ли не вздрогнула от неожиданности. — Я чую смерть, ещё очень свежую. И ложь. Ты убила служителя небес и теперь бежишь.

— Меня подставили!

— Все так говорят, — я отмахнулся. Мне не было дела до её невиновности. Смертные всегда невиновны, пока им невыгодно признавать вину. — Зачем ты призвала меня?

— Да не призывала я никого! — прикрикнула хрипло и тут же поморщилась.

Я слышал, как скрежещут её рёбра. Давно не слышимый и такой сладостный звук для моих ушей, но почему-то сейчас он вызывал только раздражение.

Недолго думая, она сделала шаг навстречу, смахнув все болезненные эмоции с лица. Ноги её дрожали, но подбородок был вздёрнут. А в глазах чуть ли не тот боевой огонь, с которым я сходил с Олимпа на землю, ведя легионы в бой.

— Там мой брат. Его казнят через три дня на рассвете. Мне нужно его вытащить.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе украсть душу из-под носа самого Танатоса? — Я криво усмехнулся, потому что знал Танатоса и отлично знал, что он не отдаёт тех, кого уже забрал. — У меня есть свои дела, смертная.

Я взглянул вдаль, на горизонт.

Мои братья... Они где-то на земле. Чувствую их боль даже на расстоянии.

Я не стал ей объяснять про Зевса. Про то, что отец заковал нас в разные земные клетки. Она просто не поймёт. Смертные видят богов либо как спасителей, либо как разрушителей. Истина слишком сложна для их коротких жизней.

— Ты сказал, что связан со мной, — всё не отступала девчонка и максимально сократила расстояние между нами. — Пока я держу лампу, ты не можешь уйти. Если я умру здесь, ты останешься один в пустыне. Без живого проводника.

Она была права. Частично. И это раздражало меня даже больше, чем впивающиеся в кожу наручи джинна.

— Ты торгуешься с богом? — Я нервно вскинул бровь в неверии.

— Я торгуюсь с джинном в лампе, — парировала с лёгкой ухмылкой и даже не дрогнула. Либо она и в самом деле не знает, кто такой бог войны, либо просто издевается. Складывается впечатление, что это второе. — И у меня есть три желания.

— Два, — поправил я. — Первое ушло на призыв. Пробуждение бога — это и есть первое желание первого хозяина. Такова цена за то, чтобы разбудить то, что спало дольше, чем существуют твои города.

— Что? А если бы лампу нашёл кто-то другой? — прищурилась с подозрением смертная. — Тоже платил бы первым желанием?

— Только первый хозяин. Тот, кто первым коснётся бронзы после печати. У всех, кто возьмёт лампу после него, отсчёт начнётся заново: три желания, три глупости, один исход. Правило вырезано на дне сосуда руками Гефеста, а не в свитках для смертных. Будить всегда дороже, чем просить.

— Значит, если я отдам лампу кому-то ещё… — протянула она медленно, — у того будет три желания...

— Именно, — я криво усмехнулся, видя промелькнувшую жадность в её глазах. — Поэтому запомни, смертная: не смей меня потерять. И не потому что я против, а потому что следующий хозяин может оказаться гораздо умнее тебя и загадать что-нибудь действительно интересное. Например, твою голову на блюдечке с золотой каёмкой.

— Или я загадаю твою сама, если будешь и дальше тянуть время выполнения моих желаний, — слишком обыденно парировала девчонка.

— Ты глупа, — бросил я небрежно, отвернувшись. — Желания — это сила. Не трать их на мелочи. Больше тебе такая удача не светит.

— Для меня это не мелочь, — её глаза блеснули злостью. — Помоги мне, и я не использую последнее желание до тех пор, пока ты не найдёшь то, что ищешь. Ты ведь после него опять попадёшь в лампу? — Я промолчал, а точнее, просто не успел ответить, ведь она уже это сделала за меня. — Я знаю это, поэтому предлагаю сделку.

Шантаж?

Смертная шантажирует бога войны?

Я почувствовал, как уголок моей губы дёрнулся. Только не в улыбке, а в оскале.

— Хорошо, но запомни, *смертная*, — на последнем слове сделал упор и приблизился лицом к ней. Девчонка едва моргнула, побоявшись потерять меня из виду. — Если ты прикажешь мне сделать что-то против моей воли... Печати опалят кожу, мне будет больно, но тебе будет хуже в разы.

Ветер ударил раньше, чем она успела кивнуть. Не просто порыв, а плотная стена. Песок врезался в кожу, как шрапнель, и даже я, привыкший к ударам копий, инстинктивно прикрыл лицо рукой. Воздух стал сухим, почти электрическим. Смертная рядом со мной пошатнулась и чуть не рухнула.

— Самум, — прорычал я сквозь зубы. Молнии на коже вспыхнули, реагируя на резкую перемену давления. — Если останемся здесь, через час от тебя останутся лишь кости.

— Спасибо за прогноз, — огрызнулась, хватая лампу обеими руками и прижимая к груди, словно та могла улететь. — Может, ещё подскажешь, куда бежать?

Я огляделся. Мои глаза видели дальше человеческих, но даже мне буря уже резала обзор до десятка метров.

Впереди — барханы, справа — барханы, слева… А вот там проглядывалось чёрное пятно среди песка, нечто похожее на камень.

— Руины, — я кивнул на запад. — Камень сможет заглушить этот ветер.

— А мертвецов заглушит? — брезгливо бросила девчонка, явно понимая, о каких руинах идёт речь.

Она резко развернулась в сторону укрытия, видимо, сама того не ожидая. Тут же пошатнулась, рука инстинктивно прижала рёбра. Ей больно, я видел, как снова исказилось её лицо, но звука она не издала. Хороший признак.

Я не предложил помощи, пусть идёт сама. Мне нужно оценить её выносливость. Если в будущем падёт через час пути, она бесполезна. Если выдержит, то может стать… союзником. Временно.

Я шёл за ней, песок под моими ногами плавился, превращаясь в тонкую стеклянную корку. Жар от тела не утихал. Печати горели, как огонь кузницы Гефеста, а каждый шаг отдавался в запястьях тупой, ноющей болью.

Тысячу лет я не двигался.

Тысячу лет мои мышцы не помнили ничего, кроме тесноты бронзового сосуда, и теперь они пылали.

Девчонка добралась до руин первой и остановилась возле пролома в стене, полузасыпанного песком. Едва хватило бы места для одного упитанного человека. Для двоих, тем более таких разных по размеру, это было проблемой.

— Протискивайся, — бросил я, вставая спиной к ветру, чтобы заслонить вход.

— Ты же не поместишься, — она оглядела мои плечи и поморщилась. — Ты шире, чем этот проём…

— Помещусь, — отрезал я. — Вопрос в том, останутся ли стены целыми.

Фыркнув, она нырнула внутрь, и я последовал за ней. Камень шаркнул по моим плечам, осыпался пылью, но выдержал. Едва ли.

Внутри ни черта не видно, тесно и пахнет старой смертью.

Гробница.

Стены покрывают стёртые временем иероглифы. Это имена тех, кто должен жить вечно в памяти потомков, но наверняка уже был забыт. Воздух здесь тяжёлый, застоявшийся, а кости в углу давно рассыпались от времени. Я не обратил внимания, но смертную едва передёрнуло.

Мертвецы — мои старые знакомые. Мы с ними на «ты».

Буря снаружи завыла с новой силой. Так же воют души в царстве мёртвых, когда Аид не торопится их принимать. Стало почти полностью темно. Только золотое свечение наручей на моих запястьях давало слабый свет, отбрасывая тени.

Смертная села на пол, прижавшись спиной к стене, и вытянула ноги. Её дыхание было скованным. Рёбра. Я слышал, как они скрипят при каждом вдохе.

— Целы? — спросил я, но не из заботы. А из простого расчёта, что, если она умрёт здесь, лампа погребена вместе с ней навеки. В этом месте её точно никто не найдёт.

— Не твоё дело, — огрызнулась, но тут же скривилась от боли и прижала руку к боку. — Ладно, наверное, трещина... Не перелом. Я ходила с переломом, это… другое.

— С переломом не ходят. С переломом лежат и ждут, пока кости срастутся или пока враг не добьёт.

— Значит, у нас были разные врачи. — Девчонка закрыла глаза на секунду, потом открыла и посмотрела на меня. В полумраке её зрачки казались огромными. — Слушай, ты сказал, что я... хозяйка лампы. Что это значит?

Хозяйка… Какое же мерзкое слово.

Да я бог войны!

Я слышал этот титул шёпотом в лагерях перед битвой и криком в последние секунды жизни умирающих воинов! Мои колесницы оставляли борозды в земле, глубокие, как русла рек! Когда я входил в строй, ряды смыкались плотнее, а когда обнажал меч, враги забывали имена своих богов и молились только мне!

Да я видел, как Титаны падали, будь они прокляты! Чувствовал вкус их горячего ихора на своих губах! Это я стоял плечом к плечу с Зевсом, когда он метал молнии, а мои копья летели быстрее его перунов!

Отец правил небом, но земля принадлежала мне. Каждая капля крови, пролитая на камнях этой планеты, была молитвой для меня одного.

Даже на Олимпе меня избегали не потому, что не любили, а потому что боялись. Афина строила стратегии за закрытыми дверями своего храма, где города на картах были лишь безликими точками, а армии — цветными пятнами. Она искренне верила, что победа, такая чистая и незапятнанная, рождается лишь в тишине кабинетов, в звоне кубков с нектаром и холодном расчёте. Только Афина никогда не видела, как эти «цветные пятна» кричат, когда их разрывают на части.

Я помню, как она называла мои методы «варварскими» и отстранялась, когда я входил в совет, пахнущий гарью и потом, пока они попивали свой нектар. Как морщила свой идеальный носик при виде крови на моих доспехах, покрытых пылью полей сражений, забывая, что именно эта кровь выкупает весь её триумф.

Однако стоило линии фронта дрогнуть, как именно она первая склонялась ко мне, шепча на ухо, куда нанести решающий, самый грязный удар. Афина хотела славы победителя, но брезговала той самой грязью, из которой этот победитель и вырастает.

Все замолкали, когда я входил, даже Посейдон отводил взгляд. Потому что знали: я — единственная сила, которая может бросить вызов грому моего отца не просто словом, а делом. Я разрушал города за одну ночь. Зажигал пожары, которые были видны с вершины Олимпа. Моё имя было синонимом конца.

А теперь…

Я посмотрел на свои руки. Золотые молнии излучали тусклое сияние под наручами, а на коже остались следы незримых цепей, которые впивались в плоть тысячу лет.

Я великий бог войны, но заперт в медном сосуде…

Тот, кто командовал легионами бессмертных, теперь должен слушать приказы девочки, пахнущей внутри безнадёгой.

Тот, кто топтал шеи королей, теперь прячется в руинах, потому что какой-то ветер может убить человека.

Мой мир давно перевернулся, но не думалось, что Олимп настолько прогнил изнутри, чтобы додуматься до такого наказания. Зевс запер огромного бессмертного льва и отдал ключ глупой хилой обезьянке, думая, что это смешно.

Он ошибся и очень скоро узнает об этом.

Я опустился на корточки у противоположной стены. Гробница была крошечной. Мои колени почти упирались в её ноги. Жар от тела заполнял пространство, и я видел, как на её лбу выступил пот. Ей и так было тяжело дышать здесь, а рядом со мной тем более, но она не отодвинулась.

— Это значит, — начал я, вздохнув, — что ты держишь в руках мою тюрьму. Три желания, которые я обязан исполнить, хочешь ты того или нет. Таковы правила лампы.

— Три желания, — повторила она медленно. — Как в сказке про джинна.

— Я не джинн, — закатив глаза, я стиснул зубы. Печати на шее вспыхнули ярче от злобы, озарив пещеру на мгновение. — Джинны — это духи низшего порядка. Я — бог. Разница примерно такая же, как между тобой и скарабеем.

— Приятное сравнение, — она даже не обиделась. — Ладно, *бог*. Что я могу попросить?

— Всё, что угодно. — Я поднял палец. — Кроме одного. Ты не можешь приказывать мне без моей воли. Не позволю.

— А если я попрошу золота?

— Получишь.

— Хм, армию?

— Будет.

— И даже смерть всех врагов?

— С удовольствием, — я оскалился, и на мгновение мои глаза вспыхнули красным. — Это моя любимая часть.

Девчонка замолчала. Я видел, как в её голове крутятся варианты. Смертная, которая только что бежала от казни, держит в руках силу, способную перевернуть весь мир. Большинство на её месте уже кричали бы желания, захлёбываясь жадностью. Но конкретно она молчала, и это настораживало даже меня.

— А после третьего? — поинтересовалась она тихо.

Я замер, не ожидая, что она спросит про такое.

— После третьего, — произнёс каждое слово отдельно, — я возвращаюсь в лампу. Печати Зевса затянутся снова, и я стану просто силой в кувшине, запертым в темноте, пока кто-то другой не потрёт бронзу через тысячу лет. Если вообще потрёт.

Тишина в гробнице стала плотнее.

— Значит, третье желание — это твой конец?

— Мой конец — это вечность в этой тюрьме, — поправил я, не упоминая прочих деталей о лампе. — Смерть была бы милосердием, но боги не умирают, к сожалению.

Девчонка посмотрела на лампу в своих руках. Бронза тускло блестела в свете моих печатей.

— А если я не загадаю третье?

— Тогда я привязан к сосуду, пока жив её хозяин. Или пока лампа цела. — Я наклонился вперёд, едва прищурившись. — Но не думай, что это делает тебя бессмертной. Ты смертная, и ты умрёшь. Вопрос лишь времени.

— Оптимист, — буркнула она, поморщившись от моей прямолинейности.

— Реалист, — отрезал я. — А теперь слушай внимательно, потому что я не повторю. Не трать желания на пустоту. Не проси еды или воды. Не проси помощи, без которой ты можешь обойтись. Не проси, чтобы я залатал твои рёбра или грел холодными ночами. Всё это ты должна делать сама. Желания — это оружие, а оружием не разбрасываются.

— Поняла, — смертная кивнула. — А ты что получишь от этой сделки?

Вот он, правильный вопрос. Я ждал его.

— Свободу, но не через твои желания, а через свои дела. Мне нужно туда же, куда и тебе. Там Жрецы, они служат тем, кто заточил меня. И мне нужно найти... тех, кого я потерял.

— Братьев, — вспомнила она. — Аполлона и Гермеса.

Я не стал спрашивать, откуда она знает их имена. Наверное, я пробормотал их когда-то вслух. Или она слышала, как я рычал их в момент призыва. Неважно.

— Да, — коротко бросил я. — Они где-то на этой земле, я чувствую их. Слабо, но чувствую. Мне нужно добраться до Жрецов, они знают больше, чем показывают.

— Жрецы знают только то, что им дозволено. — Девчонка поморщилась. — А те, что в Зургане, и вовсе марионетки. Они молятся Небесному Владыке, но ни разу его не видели. Поэтому я мало верю тому, что ты не просто слишком хитрый джинн.

— Ты живёшь среди тех, кто говорит с богами, но никогда не слышала обо мне? — я посмотрел на неё с подозрением на враньё. — О Зевсе? И даже об Аиде? О тех, кто правил миром, когда тебя ещё и в помине не было?

— Лишь из маминых сказок перед сном, — она пожала плечами, и в этом жесте было столько обыденности, что меня словно резко спустили с небес на землю. Хотя стоп. Наверное, не самое удачное сравнение. Меня не просто спустили, а сбросили, заковали в бронзу и закопали в бескрайний песок. Так что сарказм не в счёт, потому что хуже уже некуда. Разве что в Тартаре, но там хотя бы нет смертных, которые пожимают вот так плечами. — Она рассказывала про богов, как рассказывают про драконов. Ну, знаешь, как про то, чего не бывает.

Я усмехнулся, но усмешка вышла кривой.

Боги... Драконы... Одно и то же для смертных. Выдумки, чтобы пугать детей.

А я... Я ведь был здесь. Воевал, проливал кровь, и всё, что осталось от меня, — это сказки на ночь.

Горечь от этой мысли осела на языке, но выплюнуть её не успел. Тесные стены склепа, пахнущие прахом и забвением, внезапно показались мне ещё меньше.

Снаружи, в мире, который давно забыл моё настоящее имя, буря набирала силу. Песок шуршал по стенам гробницы, а где-то вдалеке, сквозь плотный вой ветра, прорезался ещё один звук. Утробно низкий, переходящий в пронизывающий кости визг.

Шакалы.

Одни из падальщиков пустыни. Они сбивались в стаи во время самума, чувствуя запах крови и смерти, и теперь кружили где-то рядом, выжидая, когда стихия оставит им добычу. Я слышал их голодный и нетерпеливый скулёж. Они знали, что в этих руинах есть кто-то, кто скоро может перестать дышать.

Девчонка тоже услышала, её пальцы сжались на лампе сильнее, будто та могла её защитить.

— Постой-ка, — её глаза вдруг прищурились, глядя на меня. — Если тебя заперли, значит, за что-то страшное. А если я тебя вытащила... Они ведь не оставят это так? Они ищут тебя…

— Ты быстро соображаешь, смертная, — я усмехнулся, и в полумраке мои глаза блеснули огнём. — Но ты упустила одну деталь. Мои враги — это теперь и твои враги. Ты сорвала печать с того, кого сами небожители сочли опасным, и вдобавок убила их посыльного Жреца. Для Геры мы оба не меньше миазмы, которую нужно выжечь дотла, чтобы она не портила её идеальный Олимп.

— Да не убивала я никого, — её голос стал резко грубым. — Сколько раз повторять?

— Мне плевать, убила ты его или нет, — я махнул рукой. — Для них ты убийца. Для меня — ключ от лампы. Вот и вся разница.

Она замолчала. В её глазах мелькнуло что-то. Не обида, нет. Смертная взвешивала свои мысли. Решала, стоит ли ей связываться с существом, которое недавно сравнило её с жуком и вдобавок перекинуло своих врагов.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Давай договариваться на берегу.

— Внимательно слушаю.

— Тебе нужен дворец, и мне нужен дворец. — Она подняла палец. — Но мне нужен не просто путь, а внутрь, в подземелья. Там мой брат, которого скоро…

— Это не моя проблема, — отрезал я.

— Это твоя проблема, — она наклонилась вперёд, и я почувствовал запах ещё свежей крови от рассечённой брови, которая никак не заживала. — Потому что без меня ты не пройдёшь через ворота Зургана. Ты — двухметровый бог с горящими глазами и золотыми знаками на теле. Тебя заметят за три квартала, а я знаю дворец и тайные ходы. Я помогу сделать тебя невидимкой.

— Невидимкой, — фыркнул оскорблённо, едва ли удержавшись от повторного закатывания глаз. — Я — война, а война не бывает невиди…

— Бывает, если она умная, — перебила, даже не дрогнув. — Ты помогаешь мне добраться до брата, а я... — Она помолчала, обдумывая. — Я не командую тобой и не трачу желания на ерунду.

Я смотрел на неё и не понимал, в чём именно заключалось моё наказание: в том, что я был заперт века, или то, что меня освободила именно она — маленькая, рёбра повреждены, кровь блестит на лице, песок в волосах, на ресницах, на губах. И при этом девчонка торгуется с богом войны, как купец на базаре, и даже не моргает. Она только что предложила мне то, чего я и так не мог избежать, но сделала это так, будто оказывала мне услугу.

Это было... отчасти достойно уважения. Не то чтобы я собирался ей об этом говорить.

— Только путь, — повторил я. — Я помогаю тебе добраться куда тебе там надо, и мы в расчёте?

— Выгоднее условий не будет, тебе придётся помочь мне с братом, — девчонка гордо держала мой тяжёлый взгляд. — Но если по дороге на нас нападут…

— Я убью всех, кто встанет на моём пути, и это не услуга тебе.

— Справедливо, — протянула мне руку, словно я уже согласился. — По рукам?

Я посмотрел на её ладонь, потом на свою. Моя рука была в три раза больше. Если сожму её ладонь чуть сильнее, кости хрустнут.

— Прежде чем мы скрепим это, смертная, есть ещё одно условие, — сказал тише, но в гробнице от моего голоса, казалось, дрогнули сами стены.

В её тёмных глазах мелькнула настороженность. Не убирая ладони, она замерла.

— Какое?

— Третье желание. Оно будет моим.

Тут же нахмурилась так, что брови сошлись на переносице.

— Ты сказал, я могу попросить что угодно… Что я хозяйка лампы, пока…

— И ты получишь брата, — перебил, не давая ей усомниться. — Мы заключим сделку, но когда найдём Жрецов, когда ты добьёшься того, зачем мы идём во дворец... Ты пожелаешь моей свободы и разорвёшь эту связь с бронзой.

Смотрел на неё без намёка на жалость. Я знал правду, которую скрывал от неё. Закон лампы был жесток и неумолим, как сама Атропос, перерезающая нити судьбы. Третье желание требует цены. Если произнесёт его, то её сердце остановится и кровь остынет почти мгновенно. Она умрёт, так и не успев обнять своего братишку в безопасном месте.

И мне было всё равно.

Она смертная. Мимолётная вспышка, которая всё равно померкнет через пару десятков лет. А у меня планы масштабом шире. Её короткая жизнь была ничтожной платой за свободу бога.

Более того, я оказывал ей великую милость. Смертные, отдающие жизнь ради богов, не гниют в серых, безликих полях Асфоделя, где бродят жалкие тени обычных людей. Их души направляются прямиком в Элизий — обитель героев и любимцев небожителей, где вечное солнце и нет места боли. А если мне будет угодно, я даже могу попросить отца вознести её на небо, превратив в созвездие.

Девчонка умрёт, но станет вечной. Разве это не лучшая судьба для воровки из пустыни, чьё имя и так сотрётся ветром через пару недель?

Это был просто идеальный расчёт. Точный, безупречный, божественный расчёт. Я даже улыбнулся мысленно.

— Ты освободишь меня, — повторил настолько уверенно, что место спорам не оставалось. — Это моя цена за твоего брата.

Она молчала несколько секунд. Я видел, как в её голове снова взвешиваются все риски. Девчонка не знала о смертельной цене, думала, что просто отпускает меня на все четыре стороны, как отпускают наёмника после выполненной работы.

— Хорошо, — бросила она, глубоко вздохнув. — Ты спасаешь моего брата, я освобождаю тебя. Честная сделка. — Снова протянула руку. — По рукам?

— С удовольствием.

Я обхватил её ладонь своей. Кожа, пульсирующая под моими пальцами, была обжигающей из-за меня. Чувствовал её жизнь, такую короткую и обречённую, но не обращал внимания на это. Я думал лишь о том, что эта жизнь — мой заветный ключ к вратам Олимпа, которые я уничтожу.

— Но помни, *смертная*, — предостерегающе бросил напоследок, не отпуская руки, — если ты обманешь меня и попытаешься сдать Жрецам или потратишь третье желание... Я не вернусь в лампу тихо. Я сожгу всё вокруг, и ты будешь гореть первой.

— А если ты сожжёшь дворец вместо того, чтобы помочь мне дойти до него, — она сжала мою руку чуть ли не крепче меня, что я даже растерялся на миг, — я разобью лампу о первый попавшийся камень. И жди, пока твою жестянку соберёт заново кто-то другой.

Дыхание спёрло в неверии, что вообще слышу это от смертного человека.

Эта лампа — мой якорь в этом мире. Печати Зевса на сосуде и на моём теле удерживают меня на земле, но если разбить лампу, магия отбросит меня обратно.

В Тартар…

Худшая тюрьма во вселенной, где заперт мой дед и где нет ни света, ни времени, ни даже надежды на свободу. Там я был бы, если бы Зевс не решил, что лампа — это смешнее и унизительнее для великого бога.

— Ты не посмеешь.

— Проверь, — усмехнулась с вызовом она, а услышал звон стали, как у моего щита в бою, я.

Мы с недоверием смотрели друг на друга в полумраке гробницы. Самум выл снаружи, птицы кричали где-то в небе, а печати на моей шее пульсировали, не утихая, и отдавали болью в самих мышцах.

Когда я медленно разжал пальцы, девчонка тут же убрала руку и прижала её к боку. Рёбра снова дали о себе знать.

— Буря утихнет лишь к рассвету, — сказал я, отворачиваясь. — Мы выступим, когда солнце встанет.

— А ты? — она уже устраивалась на полу, подложив руку под голову. Лампу прижала другой рукой к груди, как последнюю монету.

— Я не сплю.

— Совсем?

— Совсем. — Я сел у входа в склеп, скрестив руки. — Боги не спят. Мы просто закрываем глаза, чтобы не видеть вашу унылую реальность.

— Странный ты, — пробормотала, зевая. — Мог хотя бы притвориться.

— Я не притворяюсь. Это единственное, чего я не умею.

Девчонка не ответила и через несколько минут уже спала. А я остался один со своими мыслями, с болью в запястьях и с воем ветра за стеной.

Три желания... Три шага до свободы или до вечной темноты.

Я посмотрел на наручи на своих руках, которые тускло светились предательством отца.

— Потерпите, братья, — прошептал в пустоту, но так, будто бросил вызов всему небу, — я найду вас любой ценой.

Спустя часы буря начала стихать, а песок перестал бить в стены. Через пару дней мы войдём в Зурган, а через три этот город узнает, что такое гнев бога, которого заперли в мизерный кувшин.

Я перевёл взгляд на человека. Она спала, свернувшись калачиком, прижав к груди мою тюрьму, и даже не понимала, что держит в руках. Для неё это был удачный инструмент для достижения личной цели, внезапный шанс спасти брата. Для меня это было унижение, которое я носил ещё и на коже.

Она думает, что контролирует меня…

Глупые смертные.

Каждое слово, каждый приказ, каждый взгляд, полный сомнения, — это дрова в моём божественном костре. Думает, что может использовать мою силу для своих целей, но она лишь разогревает её.

Я вспомнил запах крови Жреца на её руках. Он будил во мне знакомый голод. Тот самый, что заставлял армии бежать без оглядки.

Пусть не верит.

Пусть думает, что я пал с небес.

Пусть чувствует мою зависимость от этой проклятой лампы.

Когда придёт время, когда наручи лопнут… Она поймёт разницу между джинном и богом.

Я медленно выдохнул злобу, что резко прилила к сердцу, потому что с потолка посыпалась пыль от дрожи всего укрытия.

Спи, человек.

Мечтай о спасении брата.

Торгуйся со мной за единственное желание.

Но помни: война всегда находит способ вырваться на свободу. И когда это случится, ни золото Олимпа, ни Зевс, ни сама смерть не смогут меня остановить.

Коснулся пальцем золотой молнии, что проглядывала сквозь наручи на запястье, и прошептал в темноту склепа:

— Я бог войны, и моя война только начинается.

Глава 3. Дана

Мама рассказывала мне легенды про джиннов. Про лампы, что исполняют желания, и духов, которые живут в заточении и ждут, когда их освободят. Я слушала с невероятным интересом, прижавшись к её боку, пока за окном выла пустыня.

Она всегда говорила вкрадчиво, словно боялась, что нас кто-то услышит. Оттого и каждый её рассказ откладывался в памяти, как яркое пятно от вина на блёклой тротуарной плитке:

«Они не духи, Дана, а пленники. Древние, могучие, запертые за то, что были слишком сильны и непокорны. И когда человек освобождает их, они обязаны служить, но это не подарок. Это цепь, и они ненавидят её больше всего на свете».

Я тогда не понимала её слов. Думала, это просто сказка, как и все остальные про драконов, принцесс и счастливые финалы.

Но теперь передо мной шёл не бог и даже не джинн.

Шёл пленник.

И я видела это в каждом его движении. Он передвигался далеко не как бог, который привык к простору, а как усталый путник, что теперь вынужден тащиться по песку в неизвестность. Не оглядывался, потому что гордость не позволяла, и на каждый мой вопрос сжимал кулаки. Вот только, как мне казалось, не столько от злости, сколько от боли воспоминаний, которые не хотел, чтобы кто-то затрагивал.

Я видела это всё.

И понимала: он действительно что-то древнее, чего я даже не могу представить, и это пугало. Пугало то, что я не знала наверняка, с кем имею дело, ведь никогда не верила в высшие божественные силы. Но сейчас я не могла убежать, потому что у меня не было выбора. В подземелье находится мой единственный родной человек, которого хотят казнить лишь из-за чистой совести моего отца. Я не убегу, даже если этот бог или джинн, неважно, кто он там, спалит дотла весь мир от своей ярости.

Я посмотрела на спину Ареса: широкая, покрытая уже почти бесцветными шрамами, каждая мышца была напряжена на постоянной основе, а золотые молнии на запястьях и шее отливали странными цветами.

Что это за узоры? Что они значат? Почему они горят ярче, когда он злится?

Я больше ничего не спрашивала, ведь знала, что он не ответит. Ну или ответит так, что пожалею, что вообще подумала об этом вопросе.

Вместо этого я размышляла о другом. О том, как он посмотрел на меня вчера, когда я сказала, что не убивала Жреца. В его глазах не было жалости ко мне или хоть капли понимания ситуации. Не было ничего, кроме... холодного анализа. Доживу ли я до Зургана или останусь в пещере навсегда вместе со старыми соседями склепа.

И уже тогда поняла: он не верит мне, но ему плевать. Потому что я его ключ от лампы, а ключ не должен быть правдивым, он просто должен быть рабочим и открывать нужные хозяину двери.

Отец был бы недоволен. Если был бы жив…

Неожиданно эта мысль ударила так больно, что я остановилась. Прижала руку к груди, где под разорванной рубахой висел медальон. Маленький, золотой, с выгравированной молнией. Всё, что осталось от человека, который учил меня главному правилу: никогда не бери то, что принадлежит тем, кто сильнее тебя.

Я нарушила его. Много раз.

И вот результат: иду по пустыне с древним переджинном, который может сжечь меня за один лишь подозрительный, с его точки зрения, взгляд.

Я тряхнула головой, отгоняя лишние мысли.

Сейчас время думать о том, как дойти до брата и не умереть от жажды раньше, чем мы доберёмся до города. Перед глазами уже плыло от нескончаемой жары и слабости. Сдаётся мне, что эти рёбра не оставят меня в покое просто так.

Арес остановился, и я чуть не врезалась в его спину из-за секундного помутнения.

— Что? — спросила, заметив, что он встал и просто смотрит на горизонт.

— Рынок, — кивнул на восток. — Впереди в полудне пути.

Я прищурилась. В мареве жары видела только песок и небо. А может, лишь песок, ведь картинки сливались почти что воедино.

— Откуда знаешь?

Раньше я бы с закрытыми глазами бежала среди барханов в самом сердце пустыни, точно зная, где нахожусь. Но сейчас даже не понимаю, с какой именно стороны дует ветер. Однако слепо верить кому-то не собиралась даже при угрозе жизни.

— Чувствую, — парень обыденно пожал плечами. — Странные запахи, людская вонь, специи. Много базарных людей, что готовы за крошку удавить другого.

Я сглотнула.

Рынок — это хорошо.

Рынок — это вода, еда и информация.

Но рынок — это ещё люди и стража... И жрецы. И те, кто, возможно, всё ещё ищут убийцу главного жреца. Но не тухлой воды хотелось даже больше, чем прохлады, хоть на моей коже можно было чайник вскипятить.

Рынок появился на горизонте, как мираж. Как мы добрались до него, я не помнила. В памяти остались только бесконечный песок в глазах, во рту и под одеждой да невыносимый жар от этой ходячей горы мышц и солнца сверху. Пекло со всех сторон так, будто они были в сговоре сжечь меня.

— Там, — Арес кивнул в сторону гула в нескольких метрах от нас. У меня даже глаз дёрнулся от предвкушения чего-то нехорошего. — Через него короче до города.

— Через рынок, — иронично повторила сама себе под нос. — Через рынок, где меня ищут... Где мои портреты висят на каждом столбе и где каждый патрулирующий стражник знает моё лицо. Гениальный план…

Он вдруг обернулся, глаза чёрные, как угли в костре. Ну хоть не красные, значит, не зол. Удивительно даже.

— Ты предлагаешь альтернативу?

Я открыла рот и почти сразу закрыла.

Альтернативы у меня не было. Обход через пустыню — два дня пути в лучшем случае. У меня столько в запасе не было. Брата могут казнить и раньше, если они посчитают его ненужным балластом даже сильнее, чем было.

— Нет, — буркнула в ответ.

— Тогда идём, — парень развернулся, — и постарайся не привлекать внимания. Ты и так идёшь как хромая лошадь да ещё и с кровью служителя на руках, которой разит до самого Олимпа.

— Это не я пахну, а ты, — фыркнула я. — Это от тебя несёт, как от рабочей кузницы. У меня скоро волдыри на щеках появятся от твоей «огненной» ауры!

— Это запах стали, — бросил Арес через плечо, уверенно направляясь в сторону шумного рынка. — Смертные забыли, как пахнет настоящая сила, самое время напомнить, раз кроме сказок у них ничего не осталось в дырявой памяти.

Я смотрела на его гордую и отчасти оскорблённую походку, едва ли сдерживая смех.

Нет, он ходит как павлин, клянусь.

Как надутый павлин с цветом глаз под любое настроение. Если бы у него ещё был хвост, он бы точно распускал его каждые пять минут, чтобы похвастаться и стать ещё ярче.

— Смертные знают, как пахнет неприятность, а ты её ходячее воплощение! — Я всё же ускорилась, чтобы догнать его, несмотря на острую боль в груди и в ноге. Да проще было бы сказать, что именно у меня не болело. Например, волосы, ведь в них нет нервных окончаний. — Да стой же!

От него послышался звук, в чём-то похожем на усмешку, и всё-таки остановился.

— Ты хочешь, чтобы я прошла через рынок с огромным существом, у которого глаза непроизвольно светятся ярче огня в ночи? Да стражники схватят нас раньше, чем ты сделаешь отсюда десять шагов! Или ты собрался штурмом брать палатки с фруктами?

В ответ он лишь сжал челюсти.

Я была права, и это читалось в каждом напряжённом мускуле его лица, в каждом нервном подёргивании желваков. Внутри меня заплясала дьявольская радость, та самая, что заставляла воровать у стражи прямо из-под носа. Однако парень терпеливо молчал, ожидая продолжения моей мысли. План у меня созрел сам собой.

— Так что… — произнесла медленно, обдумывая на ходу, какие могут ждать ещё последствия от этой идеи, кроме смерти. — Залезай обратно в лампу.

Арес обернулся и впервые за сегодняшний путь посмотрел мне прямо в глаза.

— Что?

Я едва ли не поперхнулась своим же внутренним смешком, пришлось закусить изнутри губу, чтобы сдержаться. Боже, у него такое выражение лица, словно я только что предложила ему съесть собственную печень.

— Ты же сам знаешь, что слишком заметен, — пожала плечами, стараясь выглядеть равнодушной, когда внутри, мягко говоря, было уже не по себе. То ли от его взгляда, что начинает ухудшаться с каждой долей секунды, то ли от того, что под его ногами песок уже начинал шипеть с новой силой. — Значит, тебе нужно спрятаться в лампу, а я пронесу тебя. Это самый большой рынок в Ашаре, через него правда быстрее, но далеко не безопаснее. Рисковать своим братом из-за твоего божественного эго я не намерена. Любая угроза для Жрецов, и Лимар отправится вслед за отцом.

Повисла такая напряжённая тишина, что сердце стало колотить где-то в горле. Я гадала о его ответе и действиях наперёд, будто это могло помочь мне хоть как-то, если он решит испепелить меня лишь гневным взглядом.

— Ты… — Тон сменился с просто низкого на опасно низкий, а жар резко усилился, что мои волосы стали электризоваться и подниматься вверх, будто их кто-то тянул. — Ты хочешь, чтобы я снова влез в эту бронзовую конуру?

— А что такого? — Я старалась, чтобы в голосе даже не дрогнуло. — Ты же там как-то жил тысячу лет, потерпеть ещё несколько минут, думаю, сможешь…

Слова закончились от одного его взгляда, в котором начали зарождаться искры.

— Смертная, — Арес угрожающе шагнул ко мне, а песок под его ногами вспыхнул синим пламенем, — ты хоть понимаешь, что сейчас сказал твой рот?

— Понимаю, — всё не отступала я, ведь это единственная быстрая вещь, что мы успеем предпринять. — У нас два варианта: либо ты в лампе, либо я пойду дальше одна. На споры у меня времени нет, так что выбирай сам, *ты жебог*.

Его глаза тут же засияли алым цветом. Молнии на теле разгорелись золотом, чуть ли не затмевая палящее солнце над нами.

— Ты либо издеваешься надо мной, либо мстишь, хотя это одно и то же в твоём исполнении.

— Я пытаюсь добраться до дворца целиком, а не по частям, — парировала я. — Это разные вещи.

Он сжал кулаки. Я видела, как на запястьях наручи искрились, а кожа вокруг них покраснела. Ему наверняка было больно из-за ярости, и причиной его гнева был обычный человек. Я была даже польщена, но лишь отчасти.

— Я бог войны, — прорычал он. — Я стоял под стенами Трои, когда боги ещё мир делили! Со мной гордо шли мои сыновья, Фобос и Деймос, и ни один, *ни один*смертный не мог выдержать их взгляда! Да я…!

— Увы, но тебя понизили в должности, и сейчас ты всего лишь джинн в лампе, — я перебила его помпезную речь, которую он повторял уже несколько раз, бурча себе под нос и думая, что никто больше не слышит. — И если не хочешь, чтобы твои враги узнали, что ты жив и здоров, — лезь туда. Быстро.

В его взгляде было столько ярости, что я на секунду испугалась, что сейчас он действительно убьёт меня за дерзость. За то, что просто посмела так разговаривать с самим богом войны, будь он неладен. Однако потом Арес громко выдохнул, аж со свистом, точно камень пролетел рядом с ухом на невероятной скорости. А может, это было просто его улетучившееся терпение.

— Ты пожалеешь об этом, — сказал он уже тише, хотя глаза всё ещё горели огнём самого Ада. — Когда я выберусь оттуда, а я выберусь, ты будешь молить о смерти за свои насмешки над великим б…

У входа в рынок уже собиралась толпа глазеющих и, видимо, незамужних дам, реагирующих на мужскую фигуру. Они смотрели на спину Ареса так, будто он был не опасным изгнанником, а главным призом на ярмарке. Широкие плечи, переливающийся рельеф на смуглом теле, и эта алая повязка, которая держалась на честном слове и его божественном терпении... Они видели красивую картинку, но совершенно не чувствовали той смертельной опасности, от которой у меня волосы на затылке встали сейчас дыбом. Если бы они знали, что этот «красавчик» может сжечь их город дотла, они бы уже бежали. Но нет, гормоны взяли верх над инстинктом самосохранения.

У меня и так проблем навалом, не хватало ещё отбиваться от его образовавшегося фанклуба.

— Угу, записала, — перебив, я кивнула, косо смотря на шушукающихся и раскрасневшихся девиц. — Теперь в лампу, пока они не решили, что им срочно нужен бог в постели.

Он вдруг наклонился ко мне слишком близко, пока я кривила нос от реакций одиноких девушек. Почувствовала запах дыма, раскалённого металла и чего-то древнего. Скорее всего, это пыль, залежавшаяся на нём за столько лет.

— Прикажи, — процедил он сквозь сжатые зубы. — Ты хозяйка этого куска бронзы. Без приказа магия не сработает, а добровольно туда залезу лишь когда ты вернёшь всё, что украла за свою жизнь, и станешь честной, праведной, скучной смертной, которая платит за еду и говорит «спасибо». Вот тогда я залезу и даже расщедрюсь на аплодисменты твоей святости.

Мне хотелось ответить, что он не знает меня, что не имеет права судить других лишь по каким-то стечениям обстоятельств. Только времени у меня нет, как и желания объяснять хоть что-то напыщенному и самовлюблённому богу, который не видит ничего кроме своей цели.

Поэтому я просто проглотила его упрёк и едва слышно, но уверенно шепнула:

— Сначала пригнись, а потом лезь в лампу.

Слово «лезь» он пропустил мимо ушей или сделал вид, но сам приказ сработал. Его тело начало растворяться: сначала по краям, потом середина. Он сворачивался в дым, как бумага в огне, и втягивался в горлышко лампы. Последнее, что я увидела, это его глаза, горящие неистовой злостью и полные обещания сдержать все свои угрозы. Я засунула сосуд в небольшую сумку, что нашла в том склепе, и лампа налилась тяжестью.

Я едва не выронила и так еле живую тряпичную сумку. Лямка врезалась в раскрасневшееся от солнца плечо, как верёвка. Я перехватила её обеими руками и пошатнулась.

— Ох ты ж…

Лампа весила так, словно внутри был труп взрослого мужчины.

Нет, тяжелее.

Я сделала шаг. Второй. Сумка тянула плечо вниз, как будто я тащила на себе собственные грехи.

— Ты там? — прошептала я, стараясь, чтобы меня больше никто не слышал. — Ты что, воздуха свежего передышал? Почему так тяжело стало?

— На этот раз это не я, — прозвучало в голове. — Это твоя злость. Лампа реагирует на своего хозяина. Чем сильнее твоя ярость — тем тяжелее жестянка.

— Моя злость? — я остановилась, не веря услышанному. — Это ты злишься! Ты ходячая ярость!

— Я всегда злюсь, — ответил Арес без тени юмора. — Это моя естественная форма существования.

— Отлично, — я сглотнула. — Просто отлично. Я тащу бога войны, который весит как чугунный мост, только потому что у него явные проблемы с контролем гнева.

— Привыкай, *смертная*, — последнее слово прозвучало как оскорбление, и я заскрежетала зубами от злости.

Я оторвала кусок от края чёрной рубахи и повязала им лицо, оставив лишь глаза. Умирать из-за того, что меня кто-то узнает и сдаст, я не планировала. И пошла дальше, хромая от боли, кажется, во всём теле и от тяжёлой ярости в сумке. Она била по бедру с каждым шагом, будто внутри и впрямь сидел весьма упитанный верблюжонок.

Зачем он мне вообще сдался?

Я и без него пробивала себе дорогу с самого детства. Нож, маленький рост, хитрость, быстрые ноги — этого всегда хватало, чтобы выжить. Но если честно, без этого ходячего сарказма я во дворец не войду. Стража разрубит меня на куски раньше, чем я увижу ворота. А вот он без меня — это просто бесполезный кусок бронзы. Пока лампа в моих руках, Арес вынужден плясать под дудку человека. А я вынуждена терпеть, потому что мне нужна его сила, чтобы выжечь путь к брату.

Чёртов симбиоз.

Только один из нас при этом весит как наковальня.

Я вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться и взять свои эмоции под контроль, ведь впереди уже был он.

Ворота рынка встретили нас действительно плотным запахом.

Сначала в нос ударили специи. Кориандр, острая пыль корицы и тмина, что-то жгучее, от чего щипало даже в горле. Потом сладковатое жареное мясо с дымом от угольков вперемешку с вонью пота множества тел, сбитых в кучу, и намокшей верблюжьей шерсти. И где-то под всем этим тошнотворная гниль. Что-то умерло здесь недавно, и это так и не убрали, а может, и вовсе замаскировали под вкусное жареное мяско с той шкварчащей жаровни.

Я втянула воздух и поморщилась. От такой смеси и в животе заурчало, и затошнило.

Для рынка среди пустыни он был огромным, но и самым ближайшим к городу Зурган. Тенты из грубой ткани нависали над всем рынком, выцветшие на солнце до цвета перезревшего граната. Корзины с разнообразными фруктами придавали палаткам своей ценности. Они ломились от фиников, инжира и чего-то колючего и зелёного, чего я не знала. Ряды с красивыми тканями пестрили своим орнаментом даже издалека. От платков из кипенно-белого шёлка, ажурных платьев из льна до носков из верблюжьей шерсти. Прилавки с необходимым оружием манили в первую очередь тех, кто знал, что пустыня — это не только красивые карточки из путешествия. Кривыми ножами можно быстро и тихо перерезать глотку, когда враг подходит со спины. А чтобы отрубить руку, тянущуюся уже к твоему кошельку, и не застрять в кости, нужен короткий меч. Ну и куда же без наконечников для копий. Я частенько мастерила

импровизированное копьё из длинной палки и острого камня, чтобы держать бешеных шакалов и слишком любопытных бандитов на расстоянии вытянутой руки, но, конечно, удобнее, когда можно просто взять и купить. Потому что незаметно украсть копьё — это задача под звёздочкой даже для опытного вора.

И ещё люди. Сотни людей…

Шум стоял такой, что в ушах звенело. Торговцы выкрикивали цены, покупатели жадно торговались, дети визжали, где-то ругались мужчины. Воздух и так был гуще похлёбки, но вдобавок ко всему в нём висел приторный шлейф благовоний, которыми, видимо, пытались замаскировать аромат от немытых тел и гнили.

Солнце палило совсем не милосердно, превращая песок под ногами в раскалённую сковороду. Навесы, растянутые между лавками, давали больше тени, чем прохлады. Глаза то и дело цеплялись за взрывные цвета: ярко-синие обереги, ковры цвета вина, золотые украшения, медные кувшины. Всё кричало, пело и требовало внимания.

Я протискивалась сквозь толпу, чувствуя, как чьи-то локти толкают меня в бока, а чьи-то цепкие пальцы почти касаются моей сумки.

Здесь каждый был либо охотником, либо добычей. И главное, что это не ты выбираешь кем быть, а рынок ставит тебя перед самим фактом, когда ты ступаешь на его территорию.

Я шла медленно и настороженно, прижимая сумку к боку. Лампа внутри была горячей и с каждым шагом становилась только тяжелее. Арес чертовски злился.

— Эй, девушка! — раздался голос справа. — Смотри, что принёс караван!

Я не обернулась, стараясь ни с кем не встречаться даже взглядом.

— Свежая вода! — крикнули уже слева. — Прямо из источника в Ашаре!

Вот сейчас я жадно сглотнула.

Мне нужна была вода. Фляга, что была в той же сумке, пуста, горло так пересохло, что язык прилипал к нёбу. Но я не могла остановиться и привлечь внимание огромной толпы, что была возле той торговки. Потому о каких-то изысках с рынка я могла лишь мечтать.

Лампа дёрнулась в сумке так резко, словно решила сбежать. Лямка больно врезалась в плечо, и я едва не рухнула на песок, вовремя прижав её к себе. Не успела я возмутиться, как уже услышала Ареса.

— Ты хромаешь, — его чёткий и насмешливый голос прозвучал прямо в мозгах, — и твоя левая нога волочится по песку всё сильнее.

— А то я не заметила, — огрызнулась мысленно. — Твой чугунный зад только добавляет грации моей походке.

— Я не тяжёлый, — в его тоне звенело искреннее, божественное недоумение. — Это ты слабая. Смертные такие... хрупкие и недолговечные.

— Спасибо, что напомнил, — я с силой поправила лямку, чувствуя, как мышцы горят. — Прямо так и запишу в свой дневник благодарностей. Ты будешь сразу после того капитана из дворца, то есть вторым.

Я свернула в узкий ряд с посудой. Здесь весьма пыльно, зато почти безлюдно. Глиняные кувшины, деревянные миски, потускневшие медные чаши — всё было покрыто слоем песка, ведь здесь защиты от пустыни было меньше за ненадобностью.

За ближайшим прилавком сидел старый седой торговец с кожей, похожей на пергамент, а узкие немигающие глаза цвета спёкшегося молока смотрели так цепко, будто тот уже прицениваался, что с меня можно взять. Он улыбнулся беззубым ртом, и меня передёрнуло. Этот торговец не первый со специфической внешностью, что мне встречался, однако почему-то именно от него разит источником неприятностей.

— Что ищешь, путница? — спросил он подчёркнуто дружелюбно, и я отмахнулась от своих домыслов.

— Воды, — хрипло и неохотно всё же бросила я. Сил оставалось совсем немного, но заставила себя держать спину прямо. — И что-нибудь от боли. Травы, мазь... Да что угодно, что заставит меня забыть, что у меня есть… какой-либо дискомфорт.

Тот странно прищурился, и его взгляд скользнул к моей сумке, в которой лежала лампа.

— Так от какой всё-таки боли ищешь средство?

— Упала, похоже на трещину.

Старик посмотрел на мою грязную сумку. Потом на моё лицо. Потом снова на сумку, и его узкие глаза вовсе сузились до щёлочек, а беззубая улыбка медленно сползла с лица. Я напряглась, инстинктивно прижав сумку к себе и сунув свободную руку в карман штанов, к осколку, что нашла в той же пещере.

— Ты ведёшь за собой смерть, девочка, — пробубнил он тихо себе под нос. Так тихо, что я едва ли услышала это.

Холодок пробежал по спине, перебивая даже нестерпимую жару.

— Что?.. — непонимающе переспросила я.

— Не моё дело, — старик резко отвернулся. Его костлявые пальцы задрожали, когда начал бессмысленно переставлять глиняные кувшины. — Не моё дело… Уходи! Уходи и не возвращайся!

Открыла рот, чтобы спросить, что он несёт, но торговец вдруг рявкнул так, что я подскочила на месте, а несколько мисок на полке громко звякнули:

— Уходи, пока они не учуяли вас здесь и не привели своих!!

Я попятилась. Лампа в сумке пульсировала, становясь с каждой секундой тяжелее.

— А я-то думал, что смертные с чутьём вымерли ещё до падения Трои, — лениво протянул Арес в моей голове. — Но этот старик ещё неплохо держится, молодец.

— Помолчи, — бросила мысленно, ускоряя шаг сквозь боль. — Ты мне не помогаешь своей болтовнёй, только пугаешь всех.

— Я и не должен помогать. Ты меня призвала, а не наоборот. Иди быстрее, смертная. Его трусость пахнет кислятиной, а я ненавижу этот запах.

Я стиснула зубы, пока сердце колотилось где-то в висках, отбивая бешеный ритм от адреналина и жары. Руки скользили от пота, лямка врезалась в плечо, чуть ли не срастаясь с кожей.

Мне бы хоть глоток воды и хоть крошку еды, иначе свалюсь в обморок вместе с этим назойливым внутричерепным вещанием. А оно, я уверена, не умолкнет, пока я либо удобрением для финиковых пальм не стану, либо в чувства не приду. Но желательно, чтобы этот проклятый бог перестал злиться хотя бы на пять минут. Или просто перестал быть таким тяжёлым до чёртиков.

На грани вполне реальной потери сознания я решилась на отчаянный шаг и свернула к фонтану в самом центре рынка. Маленький, каменный, с водой, которая пахла всем чем угодно, только не чистотой. Вокруг суетились женщины с тряпками и корзинами, дети плескались в мутной жиже целиком.

Я рухнула на колени, и левое колено отозвалось тупой болью. Стиснув зубы, я достала флягу и начала набирать хоть какую-то воду. Руки тряслись, а перед глазами плясали тёмные мушки.

— Ты хромаешь, — снова констатировал голос. — Левая нога натёрта до мяса и колено вывихнуто. Трещина в ребре не даёт тебе идти быстрее, а ещё ты слаба, истощена и…

— Да знаю я, — рявкнула на автомате вслух, уже не выдержав. — Что ж ты заладил-то?!

Тут же заметила косые взгляды. Женщины поспешно стали отводить от меня детей, решив, что мне не просто голову напекло, а что я и вовсе умом тронута.

— Тебе нужно хоть какое-то лекарство, — продолжил равнодушно Арес, игнорируя мой негодующий тон. — Найди его, иначе ты свалишься, и мне придётся гнить в песке вместе с тобой, а это слишком большая честь для смертного.

— Мне нужно, чтобы ты просто замолчал.

— Это не одно и то же.

Я закрыла глаза.

Вдохнула. Выдохнула.

Сил спорить не было, а спорить с голосом в собственной голове — это вообще за гранью.

— Слушай, — снова мысленно обратилась я к нему, чуть успокоившись, — если ты такой всезнающий, подскажи, как мне нести тебя, когда ты весишь как дворец Зургана?

— Перестань злиться, — слишком просто ответил парень. — Твоя ярость питает мою тюрьму, а мы с ней связаны. Чем сильнее ты бесишься, тем тяжелее мне становится. Ну и тебе, соответственно.

Я открыла глаза и посмотрела в воду на своё отражение: грязное, с разбитой бровью, с глазами, в которых живёт лишь дикая усталость. Лицо настолько бледное, что и не скажешь, будто я прожила всю жизнь под неумолимым солнцем Ашара.

— Я не злюсь, — соврала на автомате. — Я раздражена.

— Раздражение — это просто мягкая форма злости, — констатировал он наверняка с умным видом. — Смертные придумали это слово, чтобы не признавать, что они боятся собственной ярости.

— Ничего я не боюсь! — огрызнулась, чувствуя, как лямка снова впивается в плечо. — У меня просто нет времени на истерики. Когда ты всю свою жизнь выживаешь, эмоции — это непозволительная роскошь, но тебе этого не понять.

— А сдержанность — это оковы для слабых, и я презираю это даже больше, чем трусость того старца. Зачем прятать когти, если ярость делает тебя сильнее?

Я разозлилась настолько, что даже показалось, будто кровь забурлила в жилах. Лампа в сумке дёрнулась, да так резко, что я едва не уронила флягу из рук, но вода всё равно выплеснулась на раскалённый песок, зашипев и почти сразу испарившись.

— О-о, — голос в голове стал почти довольным, даже бархатным. — Вот теперь ты по-настоящему злишься. Чувствуешь? Лампа-то потяжелела.

— Ты… — Я стиснула зубы до ноющей боли в них, чтобы не выпалить лишнего при людях. В чём Арес был прав, так это в том, что он точно выберется оттуда. Хотя бы для того, чтобы исполнить моё оставшееся желание. А ссориться именно с джинном я пока не планировала. — Ты просто невыносим.

— Я просто честен в отличие от тебя.

Я поднялась, пошатываясь. Мир слегка плыл перед глазами.

Ладно, вода из фонтана не для питья, но хотя бы смочить пересохшее горло, наверное, пойдёт. Теперь еда. Что угодно, что можно жевать на ходу и что даст сил дойти до города.

Я свернула к ряду, где пахло дрожжами и костром. Женщина с добрым, округлым лицом и пятном муки на щеке тепло улыбнулась мне за прилавком. В груди робко затаилась надежда: может хоть она не осыплет проклятиями, как тот старик.

— Свежий хлебушек, путница? Ещё тёплый, — её голос был таким мягким, как само тесто, что она месила сейчас.

— Две лепёшки, пожалуйста, — я протянула ей последнюю медную монету, — и воды, если есть.

Она посмотрела на скромную монетку, потом на моё лицо, скрытое повязкой, и тихо покачала головой.

— Цены взлетели до небес, милая. Все скупают и припасают еду. Поговаривают, что через пару дней казнь, вот народ и нервничает… — Голод и страх скручивал желудок в тугой узел, но я начала пятиться, чтобы уйти. Однако, тяжело вздохнув, она молча отрезала мне кусок лепёшки и налила воды. Да и ещё вернула монету. — Возьми… Ты выглядишь так, будто тебе это нужнее, чем мне медь.

Я схватила хлеб дрожащими руками, не ожидая такой щедрости.

— Спасибо… — хрипло вырвалось у меня.

— Береги себя, девочка, — тихо добавила торговка, вытирая руки о передник. Её глаза стали грустными. — В Ашаре сейчас льётся кровь… И не только на площади Зургана.

Я кивнула и отошла, но не успела сделать и шага, как лампа в сумке раскалилась, словно её только что вынули из горна.

Да что ему опять не нравится?

Вода есть, хлеб есть. Жить буду.

Чего ещё этой божественной капризуле надо?

Я прижала сумку к боку, торопясь слиться с толпой, но грубая ткань вдруг зашипела. Запах горелого ударил в нос. Прямо у меня на глазах из-под лямки заструился едкий дым.

Глаза округлились уже не только у меня. Женщина-пекарь уставилась на мою сумку и медленно перекрестилась. Она ведь только что сжалилась надо мной, а я, похоже, сейчас сожгу её лавку к чертям. Арес, видимо, сгорал от стыда, что его хозяйка питается подаянием, или просто бесился, что всё ещё сидит в лампе.

— Ты сжигаешь мою одежду! — прошипела я мысленно, в панике отряхивая сумку, чтобы не вспыхнуть на рынке как сигнальный факел.

— Ты сжигаешь моё терпение, — огрызнулся Арес. — Теперь мы квиты.

Мне срочно нужен был способ нести эту раскалённую бронзу, пока я не осталась в одних лохмотьях и пока он не прожёг дыру прямо в моём боку. Ну или нужен способ заставить его перестать злиться. Только второе было невозможно. Он злился на всё: на меня, на этот мир, на песок под его ногами, на небо без облаков, на то, что он в лампе, и на сам факт, что у него вообще появилась хозяйка.

Оставалось только первое.

Я свернула в узкий, едва видимый тупик за лавкой торговца специями. Местные обходили его палатку стороной из-за слишком едкого запаха гнили и перезрелой корицы, но именно поэтому он был для меня идеальным.

Я знала этот рынок как свои пять пальцев. Этот глухой проём между двумя покосившимися глиняными стенами спас меня, когда мне было двенадцать, и я пряталась здесь от разъярённого мясника, украв у него кусок сала. Тогда я сжималась в комок и дрожала так сильно, что думала, он услышит мой стук зубов. Сейчас я дрожала не меньше, но уже от нескончаемого жара, идущего от сумки и от самой пустыни.

Жадно оторвала кусок хлеба и буквально втолкнула его в рот. Лепёшка была грубой, с подпалинами от печи, пахла дымом и зирой. На секунду, сквозь пыль и гарь, мне почудился запах маминой кухни. Она пекла не менее вкусный хлеб… Тонкий, с хрустящей корочкой, и всегда отламывала мне самый мякиш.

«Пока есть хлеб, мы не пропадём», — говорила она.

Оказалось, она ошибалась. Хлеб не спас никого…

Я жевала быстро, глотая, почти не чувствуя вкуса, и гнала эти мысли прочь. Воспоминания о моей жизни в пустыне весят больше, чем эта проклятая лампа.

— Так, — выдохнула я, присев на камень и положив сумку себе на колени, потому что больше некуда. Места здесь совсем мало. — Давай думать…

— Я не думаю за двоих, — неторопливо протянул Арес, словно находился не в заточении, а на курорте. — У смертных для этого есть черепная коробка, пусть и не самая большая. Это твоя работа.

— Замолчи хоть на минуту, я просто размышляю вслух. — И прикрыла глаза, наслаждаясь крошечным кусочком ещё тёплого хлеба. — Сумка дымится, потому что бронза нагревается изнутри. А лампа становится тяжелее и раскалённее, когда ты бесишься. Вывод: мне нужно, чтобы ты… просто успокоился.

— Я не умею.

— Все умеют, даже боги.

— Я — бог войны, смертная, — в его тоне вспыхнуло высокомерие. — А война не может быть спокойной.

Я открыла один глаз и косо посмотрела вновь на еле дымящуюся сумку на своих коленях.

— Тогда ты не очень хороший бог войны, — вновь откусила хлеб, прикрыв уставшие веки.

В голове вдруг образовалась странная тишина.

А потом лампа в сумке рванула так, словно внутри неё взорвалась петарда, да не одна. Не знаю, как такое возможно, но я физически ощутила, как жутко недовольный Арес навалился на бронзовые стенки изнутри всем своим огромным телом. Жар его ярости нагревал даже медальон на моей шее, а полыхающий взгляд прожигал ткань насквозь.

Это не сосуд просто потяжелел. Это он… *толкнул меня изнутри*?!

Словно капризный ребёнок, пихающий нелюбимую игрушку, ей-богу!

Не удержав равновесия, я взмахнула руками и скатилась с камня, рухнув на спину. Сумка упала мне прямо на грудь, окончательно пригвоздив к земле и не давая даже пошевелиться.

— О, пожалуйста, продолжай, — голос в голове прозвучал необычайно бархатно и ядовито, пока я лежала и пыталась сдуть с лица песок. — Мне искренне интересно: как именно ты планируешь дойти до дворца без одежды? Потому что обещаю, ещё один малейший упрёк, и твои лохмотья вспыхнут ярче, чем пламя Химеры. И поверь мне, *смертная*, палящее солнце Ашара гораздо беспощаднее к нагой коже, чем я. Так что давай, проверяй меня на прочность. Посмотрим, как долго ты продержишь эту бронзу, пока я не прожгу её насквозь и не заставлю тебя объяснять страже, почему ты сдаёшься в плен абсолютно голой.

От растерянности я замерла. Песок хрустел на зубах, а сквозь плотную ткань сумки в грудь впивался нестерпимый жар.

Впервые я почувствовала, что он не блефует. Ещё секунда, и моя единственная одежда действительно превратится в пыль, оставив меня голой и беззащитной посреди огромного многолюдного рынка.

Страх на мгновение даже вытеснил усталость и раздражение. Я не боялась смерти, но всю жизнь боялась беспомощности. А сейчас, придавленная к раскалённому песку разъярённым богом, я была абсолютно беспомощна.

Я медленно выдохнула и осторожно, кончиками пальцев, приподняла край сумки, чтобы дать ткани остыть. Лампа неохотно позволила это, но жар всё ещё грел её изнутри.

Мой сарказм внезапно, но очень быстро испарился. С этим букой сейчас шутки плохи…

— Слушай... — начала уже тише и без привычной колкости, — если ты не перестанешь злиться, я физически не донесу тебя до дворца. А если я не донесу тебя до дворца, ты застрянешь здесь один…

— Я уже говорил, что справлюсь и без всяких смертных, — огрызнулся он, но уже без той бархатной издёвки.

Я закатила глаза от его самомнения, чувствуя, как адреналин выветривается, уступая место привычному упрямству.

— Да ты не отличишь торговца от вора! Тебя обманут, продадут и…

— Хватит, — грубо прервал меня, — я понял.

— Тогда успокойся, и мы уже пойдём дальше.

— Я не могу.

В этом коротком, сдавленном признании было столько бессилия, что мне на секунду стало не по себе.

— Да почему же?

— Потому что я в лампе! — прорычал Арес в моей голове, и от этого рёва у меня даже уши заложило. — Потому что *ты мояхозяйка*! Потому что тысячу лет назад меня предал отец, и теперь я бог, ставший слугой! — Снова тишина, но в ней стоял такой звук, словно в костре трещали сырые дрова, выпуская едкий дым. — Есть *ещё*причины, по которым мне стоит злиться? — бросил он сквозь сжатые зубы.

Я замолчала. Эхо его слов — *«предал отец», «стал слугой»*— било в виски. Я знала это чувство… Когда тебя бьют, и ты не можешь ответить. Когда мир рушится, и ты остаёшься один, предоставленный самому себе.

— Вот именно, — продолжил парень уже без прежней угрозы. В голосе только глухая, изматывающая усталость. — Так что неси меня или брось. Мне всё равно. Я ждал века, подожду ещё.

— Ты невыносим, — вырвалось у меня. — Неудивительно, что тебя заперли.

Слова вылетели раньше, чем успела их остановить. Они тут же ударили меня саму, отскочив от бронзы. Я почувствовала, как внутри лампы что-то сжалось, будто Арес физически поморщился от этой правды.

Мне стало слишком тошно, ведь я только что не подумав ударила его туда, где у него не было брони.

— Я просто честен, — тихо ответил он.

— Ты… — я запнулась, и слова вышли едва ли слышимыми, — не понимаешь…

— Чего ещё я не понимаю?

— Что мне тоже тяжело, Арес! — бросила, но уже не со злостью, а с надрывом. — Что у меня болят рёбра от каждого даже мизерного вдоха! Что я не ела и не пила нормально несколько дней и у меня просто нет сил идти! Что боюсь за брата и поэтому тащу тебя, как своё проклятье, и при этом делаю вид, что всё под контролем, дико изнемогая от усталости, а ты лишь издеваешься надо мной!

Я ждала нового взрыва за свои слова. Ждала, что лампа снова придавит меня к земле и он начнёт насмехаться над моей слабостью или просто спалит дотла.

Но этого не случилось.

Наступила тишина, а потом лампа в сумке стала чуть легче.

Чуть-чуть.

Почти незаметно, но я почувствовала это каждой мышцей. Его ярость, которая питала эту лампу, отступила, уступив место чему-то другому… Смирению? Усталости?

И именно в этот момент меня окончательно накрыло.

Жалость.

Да, такая острая и колючая жалость.

Я смотрела на ещё дымящуюся ткань сумки, тяжело дыша, и видела уже не только всемогущего бога, карающего меня за дерзость. А на мгновение увидела того самого пленника... Избитого, преданного самыми близкими и бесконечно уставшего от собственной борьбы. Мы оба были жертвами чужих игр, просто его клетка была из бронзы, а моя — из чужих *«нет»*. Его клетка была настоящей, физической, он это знал и боролся, потому что видел, где есть стены. А моя клетка говорила мне, что я свободна. Что мир открыт, иди куда хочешь. Просто тебе нельзя есть и спать в тепле. Нельзя называть себя по имени и нельзя просить. И я верила, что это не клетка, а просто жизнь.

Коллекционировала эти *«нет»*с шести лет, как другие дети коллекционируют монетки или цветные стёклышки, и к двадцати у меня была полная коллекция, на все случаи жизни. На голод, холод, синяки, на то, чтобы не плакать, потому что плакать — тоже *«нет»*, ведь это слабость, а слабость не для таких, как я.

Каждый в этой грёбаной пустыне вложил свой прут в моё заточение, и клетка только росла. Я жила в ней годами, понимая, что это и есть единственная свобода, которая мне положена. Но было одно, что не было этим проклятым *«нет»*.

Семья была моим единственным *«да»*на этой планете. И я думала, что если у меня есть они, то клетка не считается. А потом родителей забрали, и у меня остался только Лимар. И вот это было хуже любого заточения. Потому что из тюрьмы хочется выйти, а из страха, что заберут твоё последнее *«да»*, — не выйдешь никогда.

— Это всё, что я могу, — голос Ареса прозвучал тише и уже без привычного яда. Сейчас он не прятался за высокомерием.

Я облегчённо выдохнула, смахивая со щеки песок, смешанный с потом, и осторожно поднялась. Сумка всё ещё была тяжёлой, будто корзинка, набитая продовольствием, но теперь этот вес был терпимым, и я могла нести её.

— Пора убираться отсюда, — сказала я мягче, поправляя лямку на плече и надевая повязку обратно на лицо.

— Наконец-то, — отозвался он, и впервые за всё это время в его голосе не было ни капли насмешки.

Я вышла из тени на главную артерию рынка. Узкая, извилистая улица кишела людьми. Шум здесь был не просто громким, а давящим на уши: крики торговцев, визг детей, рёв навьюченных ослов и оглушительный звон меди.

Стиснув зубы, чтобы не хромать, я шла медленно и делала вид, что с интересом рассматриваю прилавки. Получалось так себе: пот щипал глаза, а частое дыхание сбивалось от невероятно душной и знойной погоды. Лампа в сумке всё ещё обдавала жаром, но хотя бы не обжигала. И на этом спасибо.

— Скидка! — прогремел кто-то справа. — Шёлк из восточных земель! Половина цены!

Толпа оживилась и рванула к прилавку, как стадо, учуявшее водопой. Меня грубо толкнули в плечо, и я пошатнулась, а сумка ударилась о чьё-то бедро.

— Эй, не путайся под ногами, нищенка! — рявкнул мужчина, даже не оборачиваясь, и пихнул меня локтем, прокладывая себе путь.

Я стиснула зубы, но было поздно. Лампа в сумке резко налилась свинцовой тяжестью, едва не вывихнув мне плечо.

— Ты снова очень тяжёлый, — прошептала мысленно, наклонившись вперёд, чтобы компенсировать приваливший вес.

— Я ненавижу толпу! — прорычал Арес с яростью. — Они липнут и толкаются! Ещё раз меня заденут — сожгу!

— Успокойся, — уже взмолилась я, чувствуя, как мышцы предплечья начинают неметь. — Мне нужно ещё пройти, осталось совсем немного, потерпи…

Я стиснула зубы, хватая лямку сумки обеими руками. Пальцы ныли, но я заставляла себя идти, протискиваясь сквозь плотную, пахнущую всем чем угодно массу тел.

— Слышала? — донеслось вдруг слева. Три женщины сбились в отдельную кучку, а их голоса дрожали от суеверного страха. — Сына генерала... Через два дня на площади.

— За кражу? — удивилась вторая. — Глупец какой…

— Не за простую кражу, дурочка. Поговаривают, что он украл из дворца Связной Артефакт. Тот самый, через который Жрецы держали нить с богами…

Первая женщина побледнела и торопливо прижала к груди потускневший амулет.

— За такое не казнят, а сжигают заживо, чтобы дух не вернулся! Накличет на нас гнев небесный…

Шум рынка словно отступил, оставляя только их шёпот и оглушительный гул в моих ушах. Мир сузился до одной точки.

Злость? Нет.

Это был липкий страх, мгновенно смешавшийся с дикой, почти животной яростью.

Казнь... Лимар…

Я ускорила шаг, но наткнулась в стену из тел. Впереди собралась ещё одна толпа, даже плотнее и жаднее, чем предыдущая.

Да что же такое?!

Обычно базар не оживает так сильно, если только не раздают бесплатную воду, а тут из всех углов трубят, когда даже крошка хлеба подлетела в стоимости! Какие ещё уступки?!

— За полцены! — хрипел чей-то голос. — Медь, бронза, отдаём всё!

Толпа хлынула к прилавку как цунами. Моя спина получила столько толчков, что я всё же споткнулась. Сумка качнулась, и чья-то грубая рука смазала по ней, даже не извинившись.

Внутри лампы что-то глухо ударилось о стенки. Бронза раскалилась так, что жар пробил сквозь ткань, обжигая бок. А потом вес резко увеличился, будто мне на плечо повесили жёрнов. Я едва не рухнула на колени, удерживаясь лишь за счёт инерции.

— Ты там что, растёшь?! — пробубнила сквозь зубы, но в ответ получила лишь обжигающее молчание.

Я хромала, каждое дыхание отдавалось в рёбрах раскалённым гвоздём. Выход с рынка уже виднелся, когда до меня донёсся голос. Низкий, хриплый, принадлежавший мужчине, стоявшему в паре шагов справа.

— Слышал про ту девку? Дочь генерала. Та, что перерезала горло Жрецу Малеку.

Моё сердце пропустило удар, а в ушах зашумело. Я опустила голову, вжимаясь в толпу, и замерла, ловя каждое слово.

— Как её…? — отозвался второй.

— Далия или Дания, разве упомнишь. Говорят, красавица была, кровь генеральская. Её даже в храм хотели забрать, чтобы сделать танцовщицей для услады Верховных Жрецов.

— Наложницей, хочешь сказать? — едко хмыкнул второй.

— А как иначе? Чтобы танцевала, ублажала, да грехи свои и всей своей семейки замаливала. Мол, боги сжалятся над ней, если она будет служить их голосам на земле. Живая жертва во плоти, так сказать.

— И что? Согласилась?

— Ага, держи карман шире. Ей дали выбор: плаха или постель Жреца. Так она, говорят, плюнула ему в его накрашенное лицо! Прямо в глаза! А потом и перерезала горло главному.

— Глупая баба, — хмыкнул другой, сплёвывая в пыль. — Лучше бы сидела в прохладе и задом виляла, чем скрываться в бегах, как подыхающая крыса. Всё равно ж схватят, и больше ей так не повезёт. Второй раз Жрец не станет предлагать выбор, просто возьмёт силой или сгноит.

Задом вилять…

Эти слова скользнули по коже, как мокрая змея. Я почувствовала фантомное прикосновение жирных, пахнущих сладким дымом пальцев к своему запястью.

Нет.

Лучше сдохнуть в канаве, чем позволить этим накрашенным ублюдкам коснуться меня.

— О да. — Первый странно ухмыльнулся. — А я бы посмотрел, как она крутится перед нами, как перед Жрецами. Как замаливает свои грешки... всеми способами.

— Особенно когда устанет, — подхватил другой с противной, похотливой хрипотцой, — и начнёт умолять…

Они громко загоготали, представляя себе эту картину наверняка во всех красках, и от этого звука по коже поползли мурашки. Я стояла в двух шагах от них, и меня тошнило уже даже не от усталости и не от жары. Если бы они только знали, что та самая *«глупая баба»*сейчас стоит рядом и слушает, как они мечтают посмотреть на то, как *«она начнёт умолять»*…

Я медленно выдохнула, втягивая в лёгкие пыльный сухой воздух, чтобы не вонзить осколок в ближайшую шею идиота.

Однако не успела сделать ни шага.

Лампа в сумке не просто нагрелась, а взорвалась жаром. Ткань затрещала, вновь выпуская едкий дым.

Какая сумка, однако, прочная попалась, а по ней и не скажешь, что выдержала бы хоть лёгкий порыв ветра…

Я почувствовала, как внутри сосуда напряглись мышцы, точно сам Арес сжал кулаки, готовые разнести бронзовые стенки. Его ярость была не горячей, как раньше, а ледяной, удушающей, от которой перехватило дыхание.

— *Свиньи*, — прорычал он в моей голове. Его голос сотрясал до такой силы, что у меня аж зубы заныли. — *Как они смеют... Им был дарован величайший дар! Способность слышать голос небес! Священный канал между мирами! А они используют его, чтобы требовать плоть под маской благочестия?! Чтобы прятать свою низменную похоть за волей богов?!*

Я замерла, забыв про боль в рёбрах и про мерзкий смех мужчин. Впервые за всё время я почувствовала, что гнев Ареса направлен не на меня.

— *Жрецы...* — он снова зазвенел сталью, разрезая болью мой разум. — *Паразиты. Они извратили саму суть связи между небом и землёй ради своих грязных утех! Заставляют смертных платить за грехи, которых не совершали, требуя покорности. Если бы я был на свободе, я бы сжёг их храм до основания вместе с их накрашенными харями.*

Вдруг ощутила, что лампа стала издавать странные импульсы. Она будто… пульсировала в такт его бешеному сердцебиению.

Я медленно выдохнула, чувствуя странное, щемящее облегчение. Арес не просто злился на мир, а презирал тех, кто играл в богов. Как и мой отец, который уже поплатился за это…

— *Ты плюнула ему в лицо*, — вдруг произнёс он тише, а меня почему-то это пристыдило. Всё-таки Малек был Жрецом, хоть и козлом. Однако в тоне парня проскользнуло что-то иное. Не жалость, нет, Арес не умел жалеть, но это было нечто похоже на… уважение? — *Ты поступила правильно, смертная. Тебе следовало отрубить ему голову раньше, чем он успел открыть свой гнилой рот.*

Я вновь прислушалась к обрывкам разговора.

— А плевать. Награда зато хорошая, слыхал? Три мешка золота.

— Три?! За одну-то башку?!

— За живую — два, — хмыкнул он жадно, — за мёртвую — три.

Три мешка золота.

Вот во что они оценили кровь нашего рода… И это после того, что мой отец для них сделал! Он оставил на песках половину своих людей, защищая их храмы, проливал кровь за их спокойствие, пока они пили вино и придумывали новые поборы. Отец отдал им свою верность и здоровье, а они платят ему тем, что вешают ярлыки на его детей, как на бродячих верблюдов, и травят их за награду.

Я уже едва держалась на ногах.

Сил слушать больше не было, как и куда-то идти. На секунду мир поплыл, и навязчивая мысль шепнула: *всё это зря.*

Боль от утраты ударила в солнечное сплетение, выбивая воздух из лёгких.

Я так устала.

Устала бороться за каждый глоток, за честное имя отца, за жизнь Лимара. Устала быть сильной, когда внутри всё рушилось.

Горло сжалось железным кольцом. Я моргнула, пытаясь вогнать влагу обратно, но горячие, предательские слёзы всё же покатились по щекам, оставляя грязные дорожки на лице.

— *Они ищут тебя*, — голос Ареса снова стал почти безразличным, — *и найдут*.

— Помолчи ради всего святого, — бросила я устало сквозь зубы уже вслух.

— *Я констатирую факты: ты шумишь, пахнешь кровью, хромаешь. Подбитого всегда легко отделить от стада здоровых вепрей.*

Больше так идти я не могла. Мне было легче выбраться из грузовика, идущего на полном ходу сквозь самум, чем просто дойти до ворот к выходу из рынка. Мне нужно перевести дух и успокоиться, пока я не решила просто разбить эту лампу кому-нибудь об голову.

Я завернула в укромное место за одной из самых неприметных палаток. Прижалась к стене, что служила оградой рынка от бурь. Сумка скользнула по плечу и упала на песок с глухим звуком.

— Так… Давай всё-таки немного передохнём…

Но меня перебили недовольные комментарии в голове.

— *А ещё ты несёшь меня, как мешок с зерном*, — проворчал снова Арес. — *Я бог войны. Со мной обращались гораздо почтительнее.*

— Ты бог войны там у себя на небесах, а здесь ты изгнанник в лампе, — я уже почти не обращала внимания на его нытьё. — Так что терпи.

— *Я не терплю, а жду, когда моя пытка закончится и ты наконец соизволишь выйти из этого гнилого места.*

Я села на песок, здесь в тени он был просто тёплым. Лямка оставила багровую полосу, кожа горела. Развязав её и вытащив лампу, бронза снова стала почти обжигающе горячей.

— Вылезай, — требовательно сказала я вслух. — Мне нужно обработать ссадины.

Чёрный, густой дым с запахом озона и железа сгустился, уплотнился и обрёл форму. Арес стоял передо мной, упираясь головой в низкий навес переулка. Он был слишком большим для этого пространства.

— Ты обращаешься со мной, как с мешком, — повторил парень низким голосом, в котором слышалась ярость.

— А ты ведёшь себя, как мешок, — буркнула я, доставая из сумки украденное на рынке у толпы. Травы, мазь в глиняном горшочке, кусок чистой ткани. — Тяжёлый, злобный и воняет старьём.

— Смертная…

— Да что, смертная-то? — Я подняла на него усталый взгляд, скинув грязную повязку с лица, что мешала нормально дышать. Я действительно так не уставала, наверное, никогда. Порой кажется, что до Лимара я так и не доберусь из-за нервного срыва на бога болтовни и споров. — Ты хочешь, чтобы я носила тебя на руках? Извини, у меня рёбра треснуты. Я не помню, когда нормально спала последний раз, а ещё обо мне трещат из каждой палатки. Так что либо помогай, либо молчи. Сил спорить ещё с тобой у меня просто нет.

Он смотрел на меня так долго, что на моём виске наверняка появилась мишень для огневого залпа. Я фыркнула и начала мазать ссадины на коленях под широкими штанами. Мазь жгла, но было терпимо. Потом обернула колени тканью и затянула.

— Ты мог хотя бы притвориться, что тебе жаль, — зачем-то тихо бросила я, не поднимая головы. Голос предательски дрогнул, разбиваясь о тишину переулка.

Я никогда не думала, что из маленькой принцессы превращусь в загнанного вора, вынужденного не жить, а просто выживать. Помню, как отец привозил мне из дальних стран ткани, как я кружилась в тяжёлых, расшитых ракушками и камнями платьях, смеясь, что они пахнут морем и специями. А теперь на мне висят грязные, вонючие лохмотья, которые мне бросили перед казнью.

И в эту секунду мне не нужны были ни советы, ни божественная логика.

Мне просто хотелось, чтобы кто-то… обнял.

Чтобы сказал, что всё будет хорошо.

Чтобы подарил тишину, заботу и безопасность.

Но я не могла дать этого себе сама, а мир вокруг был слишком жесток, чтобы предложить это даром. Мои слова были просто глупым, отчаянным выплеском. Я искала поддержки там, где её не было и быть не могло. У бога, который сам был заперт в лампе.

Он не умел сочувствовать, в его божественной природе просто не было места для жалости или доброты. Арес презирал слабость, а для него любые чувства, даже самые человеческие, были лишь синонимом слабости.

— Мне не жаль, — ответил он без тени раскаяния, а у меня в груди что-то сжалось. — Мне тошно. Ты таскала меня, как старый сапог.

— А ты весил, как старый сапог, набитый камнями! — Я уже была на взводе, поднимая голову к нему. — Или это всё-таки вес твоей важной самооценки?

— Я бог войны…

— Только за сегодня ты это повторил не меньше тридцати раз! — Я устало рассмеялась. — Знаешь что? Ты не бог, не воин, а просто злой, избалованный джинн, который не умеет контролировать свой характер! Настоящий воин не ныл бы в моей сумке, что ему что-то натирает! А бог войны тем более не захлёбывался бы слюной от бешенства из-за того, что его кто-то задел в толпе!

Воздух между нами сгустился, стал плотным, как перед грозой. Арес резко шагнул ко мне, и я инстинктивно откинулась назад, но спина упёрлась в шершавую глиняную стену.

Когда он навис надо мной, его лицо оказалось в дюйме от моего. Жёсткие черты, горящие адским огнём глаза, запах железа и дыма, от которого щипало в носу. Золотые наручи на его запястьях заискрили так ярко, что почувствовала их жар на своей коже.

— Ты играешь не с тем огнём, смертная.

— Я играю с тем, что есть, — не отступила, изрядно устав от его пафоса и постоянных угроз, — а у меня есть только ты и эта грёбаная лампа! Так что извини, если обращение не соответствует твоему статусу.

Арес долго смотрел на меня. Алые глаза пульсировали гневом, золотые молнии на запястьях трещали болью. А потом он медленно отступил, и напряжение в воздухе чуть рассеялось.

— Ты невыносима, — бросил он, отворачиваясь.

— Я честна, а это разные вещи.

Специально передразнила его фразу и интонацию, ту самую бархатно-ядовитую, которой он пользовался весь день. Парень сверкнул глазами, стоя ко мне спиной, но я увидела, как отблеск его ауры отразился на каменной стене, выдав его ярость. Я ехидно ухмыльнулась, допивая воду, что перелила в флягу. Затем встала, подобрав сумку и взяв лампу в руки.

— Пойдём, — потрясла бронзой, и внутри что-то глухо звякнуло. — Мы теряем время.

— Я не пойду, — развернувшись, парень скрестил руки на груди. Поза была вызывающей, но в глазах читалась обида. — Пока ты не перестанешь обращаться со мной, как с вещью.

Остановившись, я с удивлением посмотрела на него.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

Я сжала кулаки. Снова вдохнула. Выдохнула.

Сосчитала до трёх. *Господи, помоги…*

— Хорошо, — сказала я сквозь зубы. — Прости. За то, что таскала тебя, как мешок с камнями или как старый сапог. Доволен?

— Нет, — он даже не моргнул, — ты не поняла.

— Чего?

— Что я — не твой слуга. Я — бог, и я заслуживаю уважения.

Я посмотрела на него и вздохнула.

— Уважение нужно заслужить, Арес.

Тишина длилась ровно секунду, а потом воздух вокруг него буквально вспыхнул, что я поморщилась.

— *Заслужить?!*— ещё чуть больше громкости, и он охрипнет от крика. Песок у его босых ног почернел и задымился. — Я вёл армии против Титанов! Я стоял плечом к плечу с Зевсом, когда небо трещало по швам! Я сжёг города, которые твои предки даже не сумели бы найти на карте! Тысячи и тысячи лет, смертная! Тысячи лет крови и огня! И ты говоришь мне, что я должен что-то там *заслужить*?!

Я лишь спокойно смотрела на него. Без страха, но и без восхищения.

— А я тебя впервые вижу, — пожала устало плечами. — Вчера в грязном оазисе ты вылез из лампы, обжёг мне пальцы, обозвал смертной и пообещал сжечь город.

Он замер, рот ещё был открыт, но слова застряли.

— Для меня, — я продолжила, чуть наклонив голову, — ты не бог войны, не герой легенд. Ты капризный парень со сверхсилой, который весь день ныл, что ему натирает зад в лампе, и которого я не могу бросить, потому что мне нужен мой брат живым. У тебя неподконтрольная ярость, раздутое эго и привычка называть всех *«смертными»*, как будто это оскорбление. — Я развела руками в стороны. — Я выросла не на Олимпе, Арес. Я выросла в пустыне, где уважают того, кто держит слово, а не того, кто громче орёт о своих подвигах. Так что да, для меня уважение нужно заслужить. Твоё имя мне ничего не говорит, и я не пытаюсь тебя унизить, — добавила мягче, сама удивляясь своим словам. — Я просто говорю правду. Ты для меня не легенда из мифов, а настоящий человек, стоящий рядом. А реальность я оцениваю по поступкам, а не по титулам.

Он долго и молча переваривал то, что я сказала. Его алые глаза горели, но уже не яростью. Растерянностью, может быть, обидой. Впервые за всё время я видела, как бог войны не знает, что ответить, потому что я была права и он отчасти это понимал, хоть и отказывался принимать.

— Это не мои проблемы, что ты необразованна в том, что действительно важно, — бросил он с непривычным мне холодом. — Если бы не мы, вас бы вообще не существовало. Прометей слепил вас из глины, а Афина вдохнула жизнь. Вы — наше творение. *Наше!*И я не обязан разжёвывать каждому смертному все свои заслуги, как нянька несмышлёному ребёнку.

Я замерла, не веря услышанному.

Наше творение.

Эти слова ударили сильнее, чем любой кулак. В голове невольно вспыхнули образы, которые я гнала прочь годами.

Наш дом в Ашаре был довольно большим, с внутренним двором, где росли гранат и финики. Отец путешествовал по всему миру — от далёких северных земель до южных пустынь, заключал договоры, торговал редкими тканями и продуктами. Мы были богаты, влиятельны.

У нас был собственный домашний алтарь. Мраморный, с золотыми чашами для благовоний, где мама каждое утро зажигала свечи, клала свежие цветы и молилась богам о здоровье и о процветании. Она верила искренне, всем сердцем.

Потом пришла война.

В Ашаре появились так называемые Жрецы. Они обещали связь с богами, спасение и новый порядок. Отец не пустил их на порог, потому что знал, что они лгут. И той же ночью они сожгли наш дом. Всё, что у нас было, горело на наших глазах. Вся предначертанная нам хорошая жизнь сгорела в ту ночь дотла.

А всех, кто не подчинился, объявили вне закона.

Так начались наши годы скитаний. Мама строила мини-алтари из камней в каждом городе, где мы прятались. Она тайком ходила в храмы, стояла на коленях в толпе, шептала молитвы. Каждую ночь перед сном желала мира и добра всем, даже тем, кто нас предал и обрёк на вечные страдания. Мама свято верила, что боги слышат, что они помогут.

Но они не слышали ни когда она молилась о мире, ни когда молилась перед своей вынужденной смертью.

Потом Жрецы схватили маму и Лимара, пока я пыталась добыть еды. И поставили отца перед выбором: примкнуть к их армии или смотреть, как его семью убивают. Он согласился не раздумывая, ведь семья — это было всё, ради чего он жил и работал.

Некогда один из самых богатых и влиятельных людей Ашара, ставший вынужденно лучшим вором и воином той же пустыни, — стал их генералом. Он воевал за *«говорящих с богами»*, веря, что так спасёт нас, свою семью.

Но никто его не защитил ни когда был серьёзно ранен в бою, ни когда плаха полетела со свистом над его головой.

Я посмотрела на Ареса. На его идеальное лицо, на золотые молнии, на презрительный взгляд сверху вниз, и что-то внутри меня оборвалось.

— *Наше творение?*— переспросила я тихо, едва ли сдерживая ярость. — Знаешь что, Арес? Если мы ваше творение, то вы облажались. Потому что я выжила *без*вас. Моя мать молилась вам каждый день, будь то мраморный алтарь, когда мы были богаты, или грязные переулки, когда скитались. Она верила в вас, а вы даже не услышали её, когда она теряла сознание от голода, отдавая последнюю крошку детям! Мой отец проливал кровь за ваши храмы, и вы не защитили его честь и жизнь после отказа принести детей в жертву, потому что наша кровь осквернена проклятьем, ведь так сказали *боги*!

Я сделала шаг вперёд, в груди всё колотилось от злости и воспоминаний.

— Я выросла *без*вас! Я научилась держать нож, воровать и убивать только потому, что вас *не было*! Вы обращаете на людей внимание только когда *вам*что-то нужно! Когда нужна *наша*вера и *наша*покорность! А когда *нам*нужна помощь — вы молчите!

Потом в голове что-то звякнуло, и я перевела взгляд на лампу в своих руках.

— И если ты думаешь, что я обязана тебе уважением только потому, что вы когда-то слепили кого-то из грязи, то ты ошибаешься, — уже тише сказала я. — Забирай свою бронзу и найди себе другого посыльного, который будет кланяться в ноги за каждую твою крупицу милости.

И швырнула её через стену со всей силы, на которую была способна. Я слышала по звуку, как лампа упала и покатилась куда-то по склону.

Арес только сейчас пошевелился, моргнув в неверии.

— Ты... — начал он, но не закончил.

Его тело начало терять форму, растворяясь в воздухе.

— Лампа, — прорычал он. — Верни лампу!

— Сам верни, — пожала плечами, — ты же *бог войны*.

— Я не могу отойти от неё далеко! — парень сделал шаг ко мне, но его нога прошла сквозь камень, как сквозь туман. — Смертная, верни её! Живо! Твои истерики из прошлого не доведут до добра в настоящем!

— Не верну, — я повернулась и пошла. — Ты сам сказал, ты не нянька. Так что иди за своей тюрьмой сам.

— Смертная!!

Я не обернулась, шла по центру рынка, хромая, прижимая руку под сумкой к боку. Рёбра горели, а в голове гудело. Но я шла вперёд, пока Арес оставался позади. Я слышала его злобное и бессильное рычание вместе с угрозами. Только он не мог догнать, чтобы убить меня. Лампа тянула его к себе, как магнит.

Покинуть рынок оказалось на удивление просто, когда никто не зудит над ухом, не давит весом на плечи и не выжигает душу своим презрением. С каждым шагом спина распрямлялась. Дышать становилось легче, особенно скинув повязку с лица.

Здесь, в пустыне, за пределами рынка, было тише, темнее, и главное — нет людей. Совсем. Только ветер, шуршащий песком, и далёкий, хриплый зов совы где-то в дюнах. Небо над головой было тёмно-фиолетовым, с первыми, далёкими и робкими звёздами. Пики башен дворца Жрецов едва виднелись на горизонте. Город был в нескольких часах быстрой ходьбы, и это впервые за весь день действительно вселяло надежду.

Я прижала ладонь к медальону отца и посмотрела в сторону дворца.

Жди, мой маленький храбрый воин, не сдавайся, скоро я буду рядом, и всё окажется позади…

До полной темноты мне нужно было найти укрытие на случай песчаных ветров или ночного холода. Пустыня не прощала ошибок, а я была одна, без божественного чутья и лампы, которая хоть как-то грела.

Несмотря на усталость, слух у меня оставался превосходным. Годы в бегах научили различать каждый шорох в диком гуле, и сейчас я слышала шаги.

Это не мог быть Арес, а впереди, насколько хватало видимости, не было никого. Только бесконечные дюны и фиолетовая мгла надвигающейся ночи.

Я застыла, прислушиваясь.

Шаги всё приближались.

Сзади, сбоку, точно окружая.

Сердце ударило о рёбра так больно, что я едва не застонала. Обернулась медленно, стараясь не выдать страха.

Трое мужчин, за ними ещё двое. Грубые, обветренные лица, грязная одежда в заплатках, ножи тускло блестели на поясах в последнем свете дня.

Я узнала одного.

Того самого, что обсуждал мою цену и зад со своим дружком на рынке. Его кривой нос и гнилой зуб во время ухмылки врезались в память надолго.

— Нашли, — оскалился так, что стало тошно. — Дочь предателя или, по-другому, два мешка золота.

В голове послышался настолько громкий и отчётливый голос отца из далёкого детства, что я едва ли не вздрогнула, словно сейчас он стоял за моей спиной.

Тогда я едва не попалась Жрецу на рынке, стащив финик из его корзины, а отец дёрнул меня за угол за долю секунды до того, как тот обернулся. Отец сказал то, что я запомнила на всю жизнь:

«Если не знаешь, что за враг перед тобой — беги, Дана! Не думай, не анализируй, а просто беги! Порой побег — это не трусость, а признак мудрости. Умереть с высоко поднятым подбородком из-за своей же гордости — вот верх глупости!»\

Беги…

Я невольно обвела взглядом свои ноги. Левая едва ли сгибалась, колено горело. Рёбра трещали при каждом вдохе.

Папа, я бы рада, но бежать мне не на чём и некуда. Остаётся лишь задрать подбородок.

— Или три, — ехидно бросил второй, харкая в песок. И впрямь свиньи.

— Если повезёт, Жрецы ещё накинут за живую, дабы самим поразвлечься.

Моё сердце пропустило удар. Потом ещё один. Холодок пробежал по спине, перебивая даже жар от усталости.

Я огляделась. Для побега была целая бесконечная пустыня, но трезвый ум ещё оставался при мне. Пятеро против одной. Я хромаю, истощена, без оружия, кроме осколка в кармане, а они вооружены, сыты и знают, что я никуда не денусь.

— Отстаньте, — бросила я, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала. — У меня ничего нет!

Первый грубо рассмеялся.

— Не строй идиотку, плохо выходит, воровка! Мы тебя ещё у фонтана по хитрющим глазам узнали. Думаешь, три мешка золота — это шутки?

Я сжала кулаки, а в голове мелькнула мысль о джинне. Только я выкинула бубнястую лампу, полную ярости, выбирая тишину в голове и одиночество в пути.

Эдакая молодец…

И тут я почувствовала жар.

Не снаружи, а… изнутри. Как будто кто-то засунул мне в грудь раскалённую кочергу и начал крутить. Кожа на руках запылала, волосы встали дыбом, как у кошки, которую тёрли шерстью. Песок под ногами начал дымиться и обугливаться: песчинки поднимались в воздух, дрожа так, будто земля под нами сошла с ума и решила уничтожить всё живое.

Это был он. Я уверена.

Арес.

И он, судя по всему, решил устроить мне персональный ад за мою выходку.

Так злился, что его ярость пробивалась через всю эту проклятую пустыню. Песок под ногами стал обжигающим даже сквозь обувь. Я уже не могла стоять на месте, и ноги сами собой переступали, как на углях.

Мужики запрыгали с ноги на ногу, ругаясь и хлопая себя по рукам, будто пытались потушить невидимый огонь. Один из них, тот самый, с гнилым зубом, взвизгнул и подскочил так высоко, что я едва не рассмеялась.

И это был мой единственный шанс на побег.

Я сделала шаг, как земля странно дрогнула. Песок вокруг нас взорвался необычайно сильно. Он взметнулс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.